Троцкій

ТУДА И ОБРАТНО

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
EH171
T 931

ЕНГЛ
Т 931,

Н. ТРОЦКІЙ.

ТУДА и ОБРАТНО.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1907.

Н. Троцкій.

Н. ТРОЦКІЙ.

EH 171
T931,

ТУДА и ОБРАТНО.

Вмѣсто предисловія.

I. Отъ Петербурга до Березова.— Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по этапамъ.

II. Мой побѣгъ.— 800 верстъ на оленяхъ.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1907.

1. 211.

К.

ЕН17Н
Т 931,

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 674
БИБЛИОТЕКА

СФ
12233

1068632 25 33/3 36 с 1.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

На Стокгольмскомъ соціалдемократическомъ съѣздѣ были опубликованы нѣкоторыя любопытныя статистическія данныя, характеризующія условія дѣятельности партіи пролетаріата:

Съѣздъ въ составѣ своихъ 140 членовъ просидѣлъ въ тюрьмѣ въ общемъ 138 лѣтъ 3 $^1/_2$ мѣсяца.

Съѣздъ пробылъ въ ссылкѣ 148 лѣтъ 6$^1/_2$ мѣсяцевъ.

Изъ тюрьмы бѣжали: по одному разу—18 человѣкъ, по 2 раза—4 человѣка.

Изъ ссылки бѣжали: по одному разу—23 человѣка, по 2 раза—5 человѣкъ, 3 раза—1 человѣкъ.

Если принять во вниманіе, что въ соціалдемократической дѣятельности съѣздъ участвовалъ въ общемъ 942 года, то окажется, что пребываніе въ тюрьмѣ и ссылкѣ составляетъ по времени около одной трети участія въ работѣ. Но и эти цифры очень оптимистичны: „съѣздъ

участвовалъ въ соціалдемократической работѣ 942 года",—это значитъ лишь, что политическая дѣятельность участниковъ съѣзда размѣщается на протяженіи 942 лѣтъ; но это вовсе не значитъ, что всѣ 942 года сплошь заполнены политической работой. Можетъ быть, *дѣйствительная, непосредственная* дѣятельность при условіяхъ подполья составляла лишь одну пятую или одну десятую часть этого срока. Наоборотъ, пребываніе въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ было именно такимъ, какимъ его изображаютъ цифры: свыше 50 тысячъ дней и ночей съѣздъ просидѣлъ за рѣшеткой и еще большій періодъ времени провелъ въ варварскихъ уголкахъ страны.

Можетъ быть, намъ позволено будетъ, въ дополненіе къ этимъ даннымъ, привести немножко статистики изъ собственнаго прошлаго. Въ первый разъ авторъ этихъ строкъ, арестованный въ январѣ 1898 г., послѣ десятимѣсячной дѣятельности въ рабочихъ кружкахъ г. Николаева, просидѣлъ $2^1/_2$ года въ тюрьмѣ и бѣжалъ изъ ссылки, отбывъ предварительно 2 года изъ своего четырехлѣтняго срока. Второй разъ авторъ былъ арестованъ 3-го декабря 1905 г., какъ членъ петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Совѣтъ существовалъ 50 дней. Осужденные по дѣлу Совѣта просидѣли въ общемъ въ тюрьмѣ 400 дней, послѣ чего были препровождены въ Обдорскъ на „вѣчное поселеніе"...

Каждый русскій соціалдемократъ, проработавшій въ партіи лѣтъ 10, дастъ о себѣ приблизительно такія же свѣдѣнія.

Существующая у насъ послѣ 17-го октября государственная неразбериха, которую готскій альманахъ съ безсознательнымъ юморомъ юридическаго педантизма характеризуетъ, какъ *конституціонную монархію при самодержавномъ царѣ*, ничего не измѣнила въ нашемъ положеніи. Этотъ строй не мирится съ нами, даже временно, потому что онъ органически не вмѣщаетъ сознательной жизнедѣятельности народныхъ массъ. Простаки и лицемѣры, которые призываютъ насъ встать на почву права, похожи на Марію-Антуанету, которая рекомендовала голодающимъ крестьянамъ ѣсть бріошь! Подумаешь, что мы страдаемъ какимъ-то недугомъ органическаго отвращенія къ бріоши! Подумаешь, что наши легкія заражены непобѣдимымъ влеченіемъ къ атмосферѣ одиночныхъ пещеръ Петропавловской крѣпости! Подумаешь, что мы не хотѣли бы или не сумѣли бы дать другое примѣненіе тѣмъ безконечно-долгимъ часамъ, которые тюремщикъ вырываетъ изъ нашей жизни!

Мы такъ же мало влюблены въ наше подполье, какъ утопленникъ—въ морское дно. Но у насъ такъ же мало выбора,—скажемъ прямо,—какъ и у абсолютизма. Ясное сознаніе этого позволя-

ётъ намъ оставаться оптимистами даже въ тѣ минуты, когда подполье съ зловѣщей безпощадностью стягиваетъ кольцомъ нашу шею. Оно не задушитъ насъ, мы въ этомъ увѣрены! Мы переживемъ всѣхъ! Когда истлѣютъ кости тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя теперь дѣлаются князьями земли, ихъ слугами и слугами ихъ слугъ, когда нельзя будетъ разыскать могилы, въ которой будутъ похоронены многія нынѣшнія партіи со всѣми своими дѣяніями,—тогда дѣло, которому мы служимъ, будетъ владѣть міромъ, тогда наша партія, задыхающаяся нынѣ въ подпольѣ, растворится въ человѣчествѣ, которое впервые овладѣетъ собственной судьбой.

Вся исторія — это огромная машина на службѣ нашихъ идеаловъ. Она работаетъ варварски медленно, съ безчувственной жестокостью, но она дѣлаетъ свое дѣло. Мы увѣрены въ ней. И только въ тѣ минуты, когда ея прожорливый механизмъ поглощаетъ въ качествѣ топлива живую кровь нашихъ сердецъ, намъ хочется крикнуть ей изо всѣхъ силъ:

— Что дѣлаешь, дѣлай скорѣе!

Н. Т.

8/21 апр. 1907 г.
Парижъ.

ТУДА.

Туда.

(Изъ писемъ).

3 января 1907 г.

Вотъ уже часа два-три, какъ мы въ пересыльной тюрьмѣ. Признаюсь, я съ нервнымъ безпокойствомъ разставался со своей камерой въ „предварилкѣ". Я такъ привыкъ къ этой маленькой каютѣ, въ которой была полная возможность работать. Въ пересыльной, какъ мы знали, насъ должны помѣстить въ общую камеру,—что можетъ быть утомительнѣе этого? А далѣе—столь знакомыя мнѣ грязь, суматоха и безтолковщина этапнаго пути. Кто знаетъ, сколько времени пройдетъ, пока мы доѣдемъ до мѣста? И кто предскажетъ, когда мы вернемся обратно? Не лучше ли было бы по-прежнему сидѣть въ № 462, читать, писать и — ждать?.. Для меня, какъ вы знаете, большой нравственный подвигъ—переселиться съ квартиры на квартиру. А переѣздъ изъ тюрьмы въ тюрьму стократъ мучительнѣе. Новая администрація, новыя тренія, новыя усилія, направленныя на то, чтобъ создать не слишкомъ безобразныя отношенія. Впереди же предстоитъ непрерывная смѣна на-

чальственныхъ фигуръ, начиная съ администраціи петербургской пересыльной тюрьмы и кончая стражникомъ сибирскаго села на мѣстѣ ссылки. Я уже продѣлывалъ однажды этотъ курсъ и теперь безъ особеннаго вкуса приступаю къ его повторенію.

Насъ перевезли сюда сегодня внезапно, безъ предупрежденія. Въ пріемной заставили переодѣться въ арестантское платье. Мы продѣлали эту процедуру съ любопытствомъ школьниковъ. Было интересно видѣть другъ друга въ сѣрыхъ брюкахъ, сѣромъ армякѣ и сѣрой шапкѣ. Классическаго туза на спинѣ, однако, нѣтъ. Намъ разрѣшили сохранить свое бѣлье и свою обувь. Большой взбудораженной компаніей мы ввалились въ нашихъ новыхъ нарядахъ въ камеру...

Отношеніе къ намъ здѣшней администраціи, вопреки дурнымъ слухамъ о „пересылкѣ“, оказалось весьма приличнымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже предупредительнымъ. Есть основанія предполагать, что тутъ не обошлось безъ спеціальныхъ инструкцій: наблюдать зорко, но инцидентовъ не создавать!

Самый день отъѣзда по-прежнему окружаютъ величайшей таинственностью: очевидно, боятся демонстрацій и попытокъ насильственнаго освобожденія въ пути.

10 января.

Пишу вамъ на ходу поѣзда... Теперь часовъ 9 утра.

Насъ разбудилъ сегодня ночью въ половинѣ четвертаго старшій надзиратель—большинство изъ насъ едва успѣло улечься, увлеченные шахматной игрой—и заявилъ, что въ шесть часовъ насъ отправляютъ. Мы такъ долго ждали отправки, что часъ отъѣзда поразилъ насъ своей... неожиданностью.

Дальше все, какъ слѣдуетъ. Спѣша и путаясь, мы уложили вещи. Затѣмъ спустились въ пріемную, куда привели и женщинъ съ дѣтьми. Здѣсь насъ „принялъ" конвой и спѣшно осмотрѣлъ вещи. Сонный помощникъ сдалъ офицеру наши деньги. Затѣмъ насъ усадили въ арестантскія кареты и подъ усиленнымъ конвоемъ доставили на Николаевскій вокзалъ. Замѣчательно, что нашъ конвой сегодня экстренно прибылъ изъ Москвы: очевидно, на петербургскій не полагались. Офицеръ при пріемѣ былъ очень любезенъ, но на всѣ запросы съ нашей стороны отзывался полнымъ невѣдѣніемъ. Онъ заявилъ, что нами завѣдуетъ жандармскій полковникъ, который отдаетъ всѣ распоряженія. Ему же, офицеру, приказано насъ доставить на вокзалъ—и только. Возможно, конечно, что это простая дипломатія съ его стороны.

Вотъ уже съ часъ, какъ мы ѣдемъ, и до сихъ поръ не знаемъ — на Москву или на Вологду. Солдаты тоже не знаютъ,—эти уже дѣйствительно не знаютъ.

Вагонъ у насъ отдѣльный, третьяго класса, хорошій, для каждаго спальное мѣсто. Для вещей—тоже спеціальный вагонъ, въ которомъ, по словамъ конвойныхъ, помѣщаются десять сопровождающихъ насъ жандармовъ подъ командой полковника. Мы размѣстились съ чувствомъ людей, которымъ безразлично, какимъ путемъ ихъ везутъ: все равно привезутъ, куда надо...

Оказывается, ѣдемъ на Вологду: кто-то изъ нашихъ опредѣлилъ путь по названію станціи. Значитъ, будемъ въ Тюмени черезъ четыре дня.

Публика очень оживлена,—ѣзда развлекаетъ и возбуждаетъ послѣ тринадцатимѣсячнаго сидѣнія въ тюрьмѣ. Хотя на окнахъ вагона рѣшетки, но сейчасъ же за ними—свобода, жизнь и движеніе... Скоро ли доведется возвращаться по этимъ рельсамъ?

11 января.

Если конвойный офицеръ предупредителенъ и вѣжливъ, то о командѣ и говорить нечего: почти вся она читала отчетъ о нашемъ процессѣ и относится къ намъ съ величайшимъ сочувствіемъ. Интересная подробность. До послѣдней минуты

солдаты не знали, кого и куда повезутъ. По предосторожностямъ, съ какими ихъ внезапно доставили изъ Москвы въ Петербургъ, они думали, что имъ придется везти насъ въ Шлиссельбургъ на казнь. Въ пріемной „пересылки“ я замѣтилъ, что конвойные очень взволнованы и *странно услужливы*. Только въ вагонѣ я узналъ причину... Какъ они обрадовались, когда узнали, что передъ ними—„рабочіе депутаты“, осужденные только лишь въ ссылку!

Жандармы, образующіе сверхъ-конвой, къ намъ въ вагонъ совершенно не показываются. Они несутъ внѣшнюю охрану: окружаютъ вагонъ на станціяхъ, стоятъ на часахъ у наружной стороны двери и пр., а главнымъ образомъ, повидимому, наблюдаютъ за конвойными. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ сами солдаты.

О снабженіи насъ водой, кипяткомъ, обѣдомъ предупреждаютъ заранѣе по телеграфу. Съ этой стороны мы ѣдемъ со всяческими удобствами. Не даромъ же какой-то станціонный буфетчикъ составилъ столь высокое о насъ мнѣніе, что предложилъ намъ черезъ конвой тридцать устрицъ. По этому поводу было много веселья. Но отъ устрицъ мы все-таки отказались.

12 января.

Все больше и больше удаляемся отъ васъ.

Съ перваго же дня публика разбилась на нѣсколько „семейно-бытовыхъ“ группъ и, такъ какъ въ вагонѣ тѣсно, то имъ приходится жить обособленно другъ отъ друга. Только докторъ не примыкаетъ ни къ одной: съ засученными рукавами, дѣятельный и неутомимый, онъ руководитъ всѣми.

У насъ въ вагонѣ, какъ вы знаете, четверо дѣтей. Но они ведутъ себя идеально, т.-е. такъ, что забываешь объ ихъ существованіи. Съ конвойными ихъ соединяетъ самая тѣсная дружба. Косолапые солдаты проявляютъ къ нимъ величайшую нѣжность...

... Какъ „они“ насъ охраняютъ! На каждой станціи вагонъ окружается жандармами, а на большихъ — сверхъ того и стражниками. Жандармы, кромѣ ружей, держатъ въ рукахъ револьверы и грозятъ ими всякому, кто случайно или изъ любопытства приблизится къ вагону. Такой охраной въ настоящее время пользуются двѣ категоріи лицъ: особо важные „преступники“ и особо прославленные министры.

Тактика по отношенію къ намъ выработана вполнѣ опредѣленная; мы выяснили ее себѣ еще въ пересыльной тюрьмѣ: съ одной стороны —

зоркая бдительность, съ другой—джентльменство въ предѣлахъ законности. Въ этомъ виденъ конституціонный геній Столыпина. Но нельзя сомнѣваться, что хитрая механика сорвется. Вопросъ только въ томъ: со стороны ли бдительности или со стороны джентльменства?..

Сейчасъ пріѣхали въ Вятку. Стоимъ. Какую встрѣчу намъ устроила вотяцкая бюрократія! Хотѣлъ бы я, чтобъ вы на это посмотрѣли. Съ обѣихъ сторонъ вагона — по полуротѣ солдатъ шеренгой. Во второмъ ряду — земскіе стражники съ ружьями за плечомъ. Офицеры, исправникъ, пристава и пр. У самаго вагона, какъ всегда, жандармы. Словомъ, цѣлая военная демонстрація. Это, очевидно, князь Горчаковъ, мѣстный помпадуръ, въ дополненіе къ петербургской инструкціи подарилъ насъ отсебятиной. Наша публика обижается, почему нѣтъ артиллеріи.—Поистинѣ трудно представить себѣ что-нибудь болѣе нелѣпо-трусливое! Это сплошная каррикатура на „сильную власть". Мы имѣемъ полное право гордиться: очевидно, и мертвый Совѣтъ имъ страшенъ.

Трусость и глупость!—какъ часто онѣ становятся оборотной стороной бдительности и джентльменства. Чтобы скрыть нашъ маршрутъ, котораго скрыть невозможно,— очевидно, для этого, ибо другой цѣли не подберешь,—намъ запрещаютъ

Библиотека Института В. И. Ленина 1068632

съ дороги писать письма. Таково распоряженіе незримаго полковника на основаніи петербургской „инструкціи“. Но мы съ перваго же дня поѣздки начали писать письма въ надеждѣ, что удастся отправить. И не ошиблись. Инструкція не предусмотрѣла, что у нея совершенно нѣтъ вѣрныхъ слугъ, тогда какъ мы со всѣхъ сторонъ окружены друзьями.

16 января.

Пишу при такихъ условіяхъ. Мы стоимъ въ деревнѣ, въ двадцати верстахъ отъ Тюмени. Ночь. Крестьянская изба. Низкая грязная комната. Весь полъ, безъ всякихъ промежутковъ, покрытъ тѣлами членовъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ...

Еще не спятъ, разговариваютъ, смѣются... Мнѣ по жребію, который метали три претендента, досталась широкая лавка-диванъ. Мнѣ всегда везетъ въ жизни! Въ Тюмени мы пробыли сутки. Встрѣтили насъ — къ чему мы уже успѣли привыкнуть—при огромномъ числѣ солдатъ, пѣшихъ и конныхъ. Верховые („охотники“) гарцовали, прогоняя уличныхъ мальчишекъ. Отъ вокзала до тюрьмы шли пѣшкомъ.

Отношеніе къ намъ по прежнему крайне предупредительное, даже до чрезмѣрности, но въ то же время мѣры предосторожности становятся все строже, даже до суевѣрія.

Такъ, напримѣръ, намъ здѣсь по телефону доставили товары изъ всѣхъ магазиновъ на выборъ и въ то же время не дали прогулки во дворѣ тюрьмы. Первое—любезность, второе—беззаконіе. Изъ Тюмени мы отправились на лошадяхъ, причемъ на насъ, 14 ссыльныхъ, дали 52 (пятьдесятъ два!) конвойныхъ солдата, не считая капитана, пристава и урядника. Это нѣчто небывалое! Всѣ изумляются, въ томъ числѣ солдаты, капитанъ, приставъ и урядникъ. Но такова „инструкція". Ѣдемъ теперь въ Тобольскъ, подвигаемся крайне медленно. Сегодня, напримѣръ, за день мы проѣхали только 20 верстъ. Пріѣхали на этапъ въ часъ дня. Почему бы не ѣхать дальше? Нельзя! Почему нельзя? Инструкція!—Во избѣжаніе побѣговъ не хотятъ насъ возить вечеромъ, въ чемъ есть еще тѣнь смысла. Но въ Петербургѣ настолько не довѣряютъ иниціативѣ мѣстныхъ властей, что составили поверстный маршрутъ. Какая дѣловитость со стороны Департамента Полиціи! И вотъ теперь мы 3—4 часа въ сутки ѣдемъ, а 20 часовъ—стоимъ. При такой ѣздѣ весь путь до Тобольска 250 в.—сдѣлаемъ дней въ десять, слѣдовательно, въ Тобольскѣ будемъ 25—26 января. Сколько тамъ простоимъ, когда и куда выѣдемъ—неизвѣстно, т. е. вѣрнѣе, намъ не говорятъ.

Идетъ подъ нами около 40 саней. На перед-

нихъ—вещи. На слѣдующихъ—мы, „депутаты“, попарно. На каждую пару два солдата. На сани—одна лошадь. Сзади рядъ саней, нагруженныхъ одними солдатами. Офицеръ съ приставомъ впереди поѣзда въ крытой „кошевѣ“. Ѣдемъ шагомъ. Изъ Тюмени насъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ провожали 20—30 верховыхъ „охотниковъ“. Словомъ, если принять во вниманіе, что всѣ эти неслыханныя и невиданныя мѣры предосторожности принимаются по распоряженію изъ Петербурга, то придется придти къ выводу, что насъ хотятъ *во что бы то ни стало* доставить въ самое укромное мѣсто. Нельзя же думать, что это путешествіе съ королевской свитой есть простая канцелярская причуда!.. Это можетъ создать впереди серьезныя затрудненія...

Всѣ уже спятъ. Въ сосѣдней кухнѣ, дверь въ которую открыта, дежурятъ солдаты. За окномъ прохаживаются часовые. Ночь великолѣпная, лунная, голубая, вся въ снѣгу. Какая странная обстановка,—эти простертыя на полу тѣла въ тяжеломъ снѣ, эти солдаты у двери и у оконъ... Но такъ какъ я продѣлываю все это вторично, то нѣтъ уже свѣжести впечатлѣній.... и какъ „Кресты“ мнѣ казались продолженіемъ Одесской тюрьмы, которая построена по ихъ образцу, такъ эта поѣздка кажется мнѣ временно прерваннымъ продолженіемъ этапнаго пути въ Иркутскую губернію...

Въ тюменской тюрьмѣ было множество политическихъ, главнымъ образомъ, административно-ссыльныхъ. Они собрались на прогулкѣ подъ нашимъ окномъ, привѣтствовали насъ пѣснями и даже выкинули красное знамя съ надписью „Да здравствуетъ революція". Хоръ у нихъ недурной: очевидно, давно сидятъ вмѣстѣ и успѣли спѣться. Сцена была довольно внушительная и, если хотите, въ своемъ родѣ трогательная.—Черезъ форточку мы отвѣтили имъ нѣсколькими словами привѣта. Въ той же тюрьмѣ уголовные арестанты подали намъ длиннѣйшее прошеніе, въ которомъ умоляли въ прозѣ и въ стихахъ насъ, „сановныхъ революціонеровъ изъ Петербурга", протянуть имъ руку помощи. Мы хотѣли было передать немного денегъ наиболѣе нуждающимся политическимъ ссыльнымъ, а среди нихъ многіе безъ бѣлья и теплой одежды,—но тюремная администрація отказала наотрѣзъ. „Инструкція" воспрещаетъ какія бы то ни было сношенія „депутатовъ" съ другими политическими.—Даже черезъ посредство безличныхъ кредитныхъ знаковъ? Да! Какая предусмотрительность!

Изъ Тюмени намъ не разрѣшили отправить телеграммъ, дабы законспирировать мѣсто и время нашего пребыванія. Какая безсмыслица! Какъ будто военныя демонстраціи по пути не указываютъ всѣмъ зѣвакамъ нашъ маршрутъ!

18 января. Покровское.

Пишу съ третьяго этапнаго пункта. Изнемогаемъ отъ медленной ѣзды. Дѣлаемъ не больше шести верстъ въ часъ, ѣдемъ не больше четырехъ-пяти часовъ въ сутки. Хорошо, что холода не велики: 20—25—30° R. А недѣли три тому назадъ морозы доходили здѣсь до 52° R. Каково бы намъ пришлось съ малыми ребятами при такой температурѣ.

Остается еще недѣля ѣзды до Тобольска. Никакихъ газетъ, никакихъ писемъ, никакихъ извѣстій.

Отсюда писать приходится безъ увѣренности, что письмо дойдетъ по назначенію: намъ все еще запрещено писать съ дороги, и мы вынуждены пользоваться всякими случайными и не всегда надежными путями.

Но въ сущности все это пустяки. Одѣты мы всѣ тепло и съ наслажденіемъ дышемъ прекраснымъ морознымъ воздухомъ послѣ подлой атмосферы одиночной камеры. Какъ хотите, но въ тотъ періодъ, когда формировался человѣческій организмъ, онъ, очевидно, не имѣлъ случая приспособиться къ обстановкѣ одиночнаго заключенія.

Все оставалось такимъ же въ Сибири, какимъ было 5—6 лѣтъ тому назадъ,—и въ то же время все измѣнилось: измѣнились не только сибирскіе солдаты,—и до какой степени!—измѣнились также си-

бирскіе „челдоны“ (крестьяне); разговариваютъ на политическія темы, спрашиваютъ, скоро ли „это“ кончится. Мальчикъ-возница, лѣтъ тринадцати,—онъ увѣряетъ, что ему пятнадцать,—горланитъ всю дорогу: „Вставай, поднимайся, рабочій народъ! Вставай на борьбу, людъ голодный!“ Солдаты съ очевиднымъ расположеніемъ къ пѣвцу дразнятъ его, угрожая донести офицеру. Но мальчишка прекрасно понимаетъ, что всѣ за него, и езбоязненно призываетъ къ борьбѣ „рабочій народъ“...

Первая стоянка, съ которой я писалъ вамъ, была въ скверной мужицкой избѣ. Двѣ другія—въ казенныхъ этапныхъ домахъ, не менѣе грязныхъ, но болѣе удобныхъ. Есть женское, есть мужское отдѣленіе, есть кухня. Спимъ на нарахъ. Опрятность приходится соблюдать только крайне относительную. Это, пожалуй, самая тягостная сторона путешествія.

Сюда, въ этапные дома, къ намъ приходятъ бабы и мужики съ молокомъ, творогомъ, поросятами, шаньгами (лепешками) и прочей снѣдью. Ихъ допускаютъ, что въ сущности незаконно. „Инструкція“ воспрещаетъ какія бы то ни было сношенія съ посторонними. Но инымъ путемъ конвою трудно было бы организовать наше пропитаніе.

Порядокъ среди насъ наблюдаетъ нашъ суве-

ренный староста Ф., котораго всѣ—мы, офицеръ, солдаты, полиція, бабы-торговки — называютъ просто „докторомъ“. Онъ обнаруживаетъ неисчерпаемую энергію; упаковываетъ, покупаетъ, варитъ, кормитъ, учитъ пѣть, командуетъ и пр. и пр. Въ помощь ему по очереди наряжаются „дежурные“, которые похожи другъ на друга въ томъ отношеніи, что всѣ почти ничего не дѣлаютъ... Сейчасъ у насъ готовятъ ужинъ, готовятъ шумно и оживленно. „Докторъ требуетъ ножа“!.. „Докторъ проситъ масла“... „Господинъ дежурный, потрудитесь вынести помои“...—Голосъ доктора: „Вы не ѣдите рыбы? Я для васъ могу поджарить котлету: мнѣ все равно“... Послѣ ужина сервируютъ на нарахъ чай. „По чаю“ у насъ дежурятъ дамы: таковъ порядокъ, установленный докторомъ.

23 января.

Пишу вамъ съ предпослѣдней стоянки передъ Тобольскомъ. Здѣсь прекрасный этапный домъ, новый, просторный и чистый. Послѣ грязи послѣднихъ этаповъ мы отдыхаемъ душой и тѣломъ. До Тобольска осталось верстъ 60. Если бъ вы знали, какъ мы въ послѣдніе дни мечтаемъ о „настоящей“ тюрьмѣ, въ которой можно было бы какъ слѣдуетъ умыться и отдохнуть. Здѣсь живетъ всего одинъ политическій, ссыльно-посе-

ленецъ, бывшій сидѣлецъ винной лавки въ Одессѣ, осужденный за пропаганду среди солдатъ. Онъ приходилъ къ намъ съ продуктами на этапъ и разсказывалъ объ условіяхъ жизни въ Тобольской губерніи. Большая часть ссыльныхъ, какъ поселенцевъ, такъ и „административныхъ“, живетъ въ окрестностяхъ Тобольска, верстахъ въ 100—150, по деревнямъ. Есть, однако, ссыльные и въ Березовскомъ уѣздѣ. Тамъ жизнь несравненно тяжелѣе и нуждающихся больше. Побѣги отовсюду безчисленны. Надзора почти нѣтъ, да онъ и невозможенъ. Ловятъ „бѣглыхъ“, главнымъ образомъ, въ Тюмени (отправной пунктъ ж. д.) и вообще по желѣзнодорожной линіи. Но процентъ пойманныхъ незначителенъ.

Вчера мы случайно прочитали въ старой тюменской газетѣ о двухъ недоставленныхъ телеграммахъ,—мнѣ и С.—адресованныхъ въ пересыльную тюрьму. Телеграммы пришли какъ разъ въ то время, какъ мы были въ Тюмени. Администрація не приняла ихъ все изъ тѣхъ же конспиративныхъ соображеній, смыслъ которыхъ непонятенъ ни ей ни намъ. Охраняютъ насъ въ пути очень тщательно. Капитанъ совсѣмъ замучилъ солдатъ, назначая по ночамъ непомѣрныя дежурства—не только у этапнаго дома, но и по всему селу. И тѣмъ не менѣе уже можно замѣтить, какъ по мѣрѣ нашего передвиженія къ сѣверу

„режимъ“ начинаетъ оттаивать: насъ ужъ начали выпускать подъ конвоемъ въ лавки, мы группами ходимъ по селу и иногда заходимъ къ мѣстнымъ ссыльнымъ. Солдаты очень покровительствуютъ намъ: ихъ сближаетъ съ нами оппозиція къ капитану. Въ самомъ затруднительномъ положеніи оказывается унтеръ, какъ связующее звено между офицеромъ и солдатами.

— Нѣтъ, господа,—сказалъ онъ намъ однажды при солдатахъ,—теперь ужъ унтеръ не тотъ, что прежде...

— Бываетъ и теперь иной, что хочетъ, какъ прежде...—раздалось изъ группы солдатъ.—Только наломаютъ ему хвостъ, онъ и станетъ, какъ шелковый...

Всѣ разсмѣялись. Засмѣялся и унтеръ, но весьма невеселымъ смѣхомъ.

26 января.

Тобольская тюрьма. За два станка до Тобольска къ намъ навстрѣчу выѣхалъ помощникъ исправника—съ одной стороны для вящшей охраны, съ другой—для усугубленной любезности. Караулы были усилены. Хожденія по лавкамъ прекратились. Съ другой стороны семейнымъ были предоставлены крытыя кибитки. Бдительность и джентльменство! Верстъ за 10 до города намъ навстрѣчу выѣхали двое ссыльныхъ. Какъ только офицеръ увидѣлъ

ихъ, онъ немедленно „принялъ мѣры“: проѣхалъ вдоль всего нашего поѣзда и приказалъ солдатамъ спѣшиться (до этого солдаты ѣхали въ саняхъ). Такъ мы и двигались всѣ 10 верстъ: солдаты, ругая на чемъ свѣтъ офицера, шли пѣшкомъ съ обѣихъ сторонъ дороги съ ружьями на плечѣ.

Но тутъ я долженъ прервать свое описаніе: докторъ, котораго только что вызывали въ контору, сообщилъ намъ слѣдующее: *насъ всѣхъ отправляютъ въ село Обдорское*, будемъ ѣхать по 40—50 верстъ въ день подъ военнымъ конвоемъ. До Обдорскаго отсюда свыше 1.200 верстъ зимнимъ трактомъ, значитъ при самомъ благополучномъ передвиженіи, при постоянной наличности лошадей, при отсутствіи остановокъ, вызываемыхъ заболѣваніями и пр., мы будемъ ѣхать больше мѣсяца. У насъ возникаетъ вопросъ, не будетъ ли въ Обдорскомъ поселена спеціальная команда для нашей охраны. На мѣстѣ ссылки будемъ получать пособіе въ размѣрѣ 1 р. 80 к. въ мѣсяцъ.

Особенно тяжела сейчасъ ѣзда съ маленькими дѣтьми въ теченіе мѣсяца. Говорятъ, что отъ Березова до Обдорскаго придется ѣхать на оленяхъ. Мѣстная администрація увѣряетъ, что нашъ нелѣпый маршрутъ (40 верстъ вмѣсто 100 въ день) предписанъ изъ Петербурга, какъ и всѣ вообще мелочи нашего препровожденія на мѣсто

ссылки. Тамошніе канцелярскіе мудрецы все предвидѣли, чтобъ не дать намъ бѣжать. И нужно отдать имъ справедливость: девять мѣръ изъ десяти, ими предписанныхъ, лишены всякаго смысла.—„Добровольно слѣдующія жены“ ходатайствовали о томъ, чтобъ ихъ здѣсь выпустили изъ тюрьмы на тѣ три дня, которые мы пробудемъ въ Тобольскѣ. Губернаторъ отказалъ наотрѣзъ, что не только безсмысленно, но и совершенно незаконно. Публика по этому поводу слегка волнуется и пишетъ протестъ. Но чему поможетъ протестъ, когда на все одинъ отвѣтъ *„такова инструкція изъ Петербурга“*.

29 января.

Вотъ уже два дня, какъ мы ѣдемъ изъ Тобольска... Сопровождаютъ насъ 30 конвойныхъ подъ командой унтера. Выѣхали въ понедѣльникъ утромъ на тройкахъ (со второго станка перешли на пары) въ огромныхъ кошевахъ. Утро было великолѣпное: ясное, чистое, морозное. Во кругъ—лѣсъ, неподвижный и весь бѣлый отъ инея на фонѣ яснаго неба. Какая-то сказочная обстановка. Лошади бѣшено мчались—это обычная сибирская ѣзда. У выѣзда изъ города—тюрьма стоитъ на самомъ краю—насъ ждала мѣстная ссыльная „публика“, человѣкъ 40—50; было много привѣтствій, поклоновъ и попытокъ узнать

другъ друга... Но мы быстро промчались мимо. Среди мѣстнаго населенія о насъ сложились уже легенды: одни говорятъ, что ѣдутъ въ ссылку 5 генераловъ и 2 губернатора; другіе,—что ѣдетъ графъ съ семьей; третьи,—что везутъ членовъ первой Государственной Думы. Наконецъ, та хозяйка, у которой мы сегодня стояли, спросила доктора: „Вы тоже будете политики?"—Да, политики.—„Однако, вы, должно быть, будете начальники надъ всѣми политиками"?

Сейчасъ мы стоимъ въ большой чистой комнатѣ, оклеенной обоями, на столѣ клеенка, крашеный полъ, большія окна, двѣ лампы. Все это очень пріятно послѣ грязныхъ этаповъ. Спать, однако, приходится на полу, такъ какъ въ одной комнатѣ—девять человѣкъ. Конвой нашъ смѣнился въ Тобольскѣ, и насколько тюменскій конвой былъ обходителенъ и расположенъ къ намъ, настолько тобольскій трусливъ и грубъ. Объясняется это отсутствіемъ офицера: за все отвѣчаютъ сами солдаты. Впрочемъ, уже послѣ двухъ дней новый конвой „оттаялъ", и сейчасъ у насъ устанавливаются съ большинствомъ солдатъ прекрасныя отношенія; а это далеко не мелочь въ такомъ далекомъ пути.

Начиная съ Тобольска, почти во всякомъ селѣ имѣются политическіе, въ большинствѣ случаевъ „аграрники" (крестьяне, сосланные за безпо-

рядки), солдаты, рабочіе и лишь изрѣдка интеллигенты. Есть административно-ссыльные, есть и ссыльно-поселенцы. Въ двухъ селахъ, черезъ которыя мы проѣзжали, „политиками“ организованы артельныя мастерскія, дающія нѣкоторый заработокъ.—Вообще крайней нужды мы *до сихъ поръ* еще не встрѣчали. Дѣло въ томъ, что жизнь въ этихъ мѣстахъ чрезвычайно дешева: политическіе устраиваются у крестьянъ на квартирѣ со столомъ за шесть рублей въ мѣсяцъ. Эта сумма положена мѣстной организаціей ссыльныхъ, какъ норма. На десять рублей уже можно жить „вполнѣ хорошо“. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ дороже жизнь и тѣмъ труднѣе найти заработокъ.

Мы встрѣчали товарищей, жившихъ въ Обдорскѣ. Всѣ они очень хорошо отзываются объ этомъ мѣстѣ. Большое село. Свыше 1000 жителей. Двѣнадцать лавокъ. Дома городскіе. Много хорошихъ квартиръ. Прекрасное гористое мѣстоположеніе. Очень здоровый климатъ. Рабочіе будутъ имѣть заработокъ. Можно имѣть уроки. Только сообщеніе затруднительно. Отрѣзанностью Обдорска отъ тобольскаго тракта и объясняется его относительная оживленность, такъ какъ онъ является самостоятельнымъ центромъ для огромной мѣстности.

Передвиженіе ссыльныхъ по губерніи весьма оживленное. Пароходы возятъ здѣсь политиче-

скихъ безплатно. Всѣ настолько привыкли къ этому, что крестьяне-извозчики говорятъ намъ по поводу нашего назначенія въ Обдорскъ: „Ну, это не надолго,—весной на пароходѣ назадъ пріѣдете“...—Но кто знаетъ, въ какія условія будемъ поставлены мы, совѣтскіе... Пока что отдано распоряженіе предоставлять намъ по пути лучшія кошевы и лучшія квартиры.

1 февраля. Юровское.

Сегодня точь въ точь то же, что вчера. Проѣхали свыше 50 верстъ. Рядомъ со мной въ кошевѣ сидѣлъ солдатъ, который занималъ меня разсказами на военно-манчжурскія темы. Насъ конвоируютъ солдаты Сибирскаго полка, который почти весь обновился послѣ войны. Это наиболѣе пострадавшій полкъ. Часть его стоитъ въ Тюмени, часть — въ Тобольскѣ. Тюменскіе солдаты, какъ я уже писалъ, были очень къ намъ расположены, тобольскіе грубѣе; среди нихъ имѣется значительная группа „сознательныхъ“ черносотенцевъ. Полкъ состоитъ изъ поляковъ, малороссовъ и сибиряковъ. Наиболѣе косный элементъ составляютъ туземцы-сибиряки. Но и среди нихъ попадаются прекрасные ребята... Мой конвоиръ очень восхищенъ „китайками“. „Красивыя есть бабы. Китаецъ малъ ростомъ и съ настоящимъ мужчиной не сравнится. А китайка хороша: бѣлая, полная“...

— Что же,—спросилъ нашъ ямщикъ, бывшій солдатъ,—наши солдаты съ китайками хороводились? — „Не... не допускаютъ до нихъ... Сперва китаекъ увозятъ, а потомъ солдатъ пускаютъ. Однако, наши въ гаолянѣ китайку одну словили и полакомились. Одинъ солдатъ тамъ и шапку оставилъ. Китайцы представили шапку командиру, тотъ выстроилъ весь полкъ и спрашиваетъ: „Чья шапка". Никто не откликается: тутъ уже не до шапки. Такъ и кончилось ничѣмъ. А хороши китайки"...

Въ тѣхъ селахъ, гдѣ мы мѣняемъ лошадей, насъ дожидаются уже запряженныя сани. Пересаживаемся мы за селомъ, въ полѣ. Обыкновенно все населеніе высыпаетъ поглядѣть на насъ! Вчера политики хотѣли насъ сфотографировать при смѣнѣ лошадей и ожидали съ аппаратомъ у волостного правленія; но мы промчались мимо нихъ, и они не успѣли ничего сдѣлать. Сегодня при въѣздѣ въ село, гдѣ мы теперь ночуемъ, насъ встрѣтили мѣстные политики съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Ихъ четырнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ человѣкъ десять грузинъ. Солдаты всполошились, увидѣвъ красное знамя. Стали грозить штыками, кричали, что будутъ стрѣлять. Въ концѣ концовъ знамя было отнято, и „демонстранты" оттѣснены. Среди нашего конвоя есть нѣсколько солдатъ, группирующихся во-

кругъ старообрядца-ефрейтора. Это необыкновенно грубая и жестокая тварь. Для него нѣтъ лучшаго удовольствія, какъ толкнуть мальчика-ямщика, испугать на смерть бабу-татарку или ударить съ размаху прикладомъ лошадь. Кирпичное лицо, полураскрытый ротъ, безкровныя десны и немигающіе глаза придаютъ ему идіотскій видъ. Ефрейторъ находится въ жестокой оппозиціи къ унтеру, командующему конвоемъ: на его взглядъ, унтеръ не проявляетъ по отношенію къ намъ достаточной рѣшительности. Гдѣ нужно вырвать красное знамя, или толкнуть въ грудь политическаго, слишкомъ близко подошедшаго къ нашимъ санямъ, тамъ ефрейторъ всегда впереди, во главѣ своей группы. Намъ всѣмъ приходится сдерживаться, чтобъ избѣжать какого-нибудь остраго столкновенія.

2 февраля, вечеръ. Демьянское.

Несмотря на то, что вчера при нашемъ въѣздѣ въ Юровское красное знамя было отнято, сегодня появилось новое, воткнутое на высокомъ шестѣ въ снѣжный сугробъ, у выѣзда изъ деревни. Знамени на этотъ разъ никто не трогалъ: солдатамъ, только что усѣвшимся, не хотѣлось вылѣзать изъ кошевъ. Такъ мы мимо него и продефилировали. Далѣе, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ деревни, когда мы спускались

къ рѣкѣ, мы увидѣли на одной сторонѣ снѣжнаго спуска надпись, выведенную огромными буквами: „Да здравствуетъ революція". Мой ямщикъ, парень лѣтъ 18-ти, разсмѣялся весело, когда я прочиталъ надпись. „А вы знаете, что значитъ „да здравствуетъ революція"—спросилъ я его. Нѣтъ, не знаю, отвѣтилъ онъ, подумавъ, а только знаю, что кричатъ: „да здравствуетъ революція". Но видно было по лицу, что онъ знаетъ больше, чѣмъ хочетъ сказать. Вообще мѣстные крестьяне, особенно молодежь, очень благожелательно относятся къ политикамъ. Въ Демьянское мы пріѣхали въ часъ. Встрѣтила насъ огромная толпа ссыльныхъ,—ихъ здѣсь свыше 60 человѣкъ. Это привело часть нашихъ конвойныхъ въ величайшее замѣшательство.

Ждали насъ здѣсь, очевидно, давно и очень нервно. Была избрана спеціальная комиссія для организаціи встрѣчи. Приготовили великолѣпный обѣдъ и комфортабельную квартиру въ здѣшней „коммунѣ". Но на квартиру эту насъ не пустили; пришлось помѣститься въ крестьянской избѣ; обѣдъ приносили сюда. Свиданія съ политическими для насъ крайне затруднены: имъ удавалось къ намъ проникнуть лишь на нѣсколько минутъ по два, по три человѣка—съ разными составными частями обѣда. Кромѣ того, мы ходили по очереди въ лавочку подъ конвоемъ и

по дорогѣ перебрасывались нѣсколькими словами съ товарищами, которые цѣлый день дежурили на улицѣ. Одна изъ мѣстныхъ ссыльныхъ явилась къ намъ въ одеждѣ крестьянской бабы, якобы для продажи молока, и очень хорошо разыграла свою роль. Но хозяинъ квартиры, повидимому, донесъ на нее солдатамъ, и тѣ потребовали, чтобъ она немедленно удалилась. Дежурилъ у насъ, какъ на зло, ефрейторъ. Я вспомнилъ, какъ наша усть-кутская колонія (на Ленѣ) готовилась къ встрѣчѣ каждой партіи: мы варили щи, лѣпили пельмени, словомъ продѣлывали то же, что тутъ совершали демьяновцы. Проѣздъ большой партіи—это огромное событіе для каждой колоніи, живущей по пути.

4 февраля, 8 ч. вечера. Цингалинскія юрты.

Приставъ запросилъ, по нашему настойчивому требованію, тобольскую администрацію, нельзя ли ускорить темпъ нашего передвиженія. Изъ Тобольска, очевидно, снеслись съ Петербургомъ, и въ результатѣ приставу по телеграфу предоставлена carte blanche. Если считать, что отнынѣ будемъ въ среднемъ дѣлать 70 верстъ въ день, то въ Обдорскъ прибудемъ 18—20 февраля. Разумѣется, это лишь предположительный разсчетъ.

Стоимъ въ деревенькѣ, которая называется Цингалинскими юртами. Здѣсь собственно не

юрты, а деревенскія избы, но населеніе состоитъ, главнымъ образомъ, изъ остяковъ. Это очень рѣзко выраженный инородческій типъ. Но складъ жизни и рѣчи чисто-крестьянскій. Только пьянствуютъ еще больше, чѣмъ сибирскіе крестьяне. Пьютъ ежедневно, пьютъ съ ранняго утра и къ полудню уже пьяны.

Любопытную вещь разсказалъ намъ мѣстный ссыльный, учитель Н.: услышавъ, что ѣдутъ невѣдомыя лица, которыхъ встрѣчаютъ съ большой помпой, остяки испугались, не пили вина и даже спрятали то, которое было. Поэтому сегодня большинство трезвы. Къ вечеру, однако, насколько я успѣлъ замѣтить, нашъ хозяинъ-остякъ вернулся пьяный.—Здѣсь уже пошли рыбныя мѣста; мясо доставать труднѣе. Учитель, о которомъ я упомянулъ выше, организовалъ здѣсь изъ крестьянъ и ссыльныхъ рыболовную артель, купилъ невода, самъ руководитъ рыбной ловлей въ качествѣ старосты, самъ возитъ рыбу въ Тобольскъ. За прошлое лѣто артель заработала свыше 100 р. на брата. Приспособляется народъ. Правда, самъ Н. нажилъ себѣ на рыболовствѣ грыжу.

6 февраля. Самарово.

Вчера мы проѣхали 65 верстъ, сегодня 73, завтра проѣдемъ приблизительно столько же. Полосу земледѣлія мы уже оставили позади себя.

Здѣшніе крестьяне, какъ русскіе, такъ и остяки, занимаются исключительно рыболовствомъ.

До какой степени Тобольская губернія заселена политическими!.. Буквально нѣтъ глухой деревушки, въ которой не было бы ссыльныхъ. Хозяинъ земской избы, въ которой мы стояли, на нашъ вопросъ отвѣтилъ, что прежде здѣсь вовсе не было ссыльныхъ, а стали заполнять ими губернію вскорѣ послѣ манифеста 17 октября. „Съ тѣхъ поръ и пошло". Во многихъ мѣстахъ политики „промышляютъ" совмѣстно съ туземцами: собираютъ и очищаютъ кедровыя шишки, ловятъ рыбу, собираютъ ягоды, охотятся. Болѣе предпріимчивые организовали кооперативныя мастерскія, рыболовныя артели, потребительныя лавки. Отношеніе крестьянъ къ политическимъ превосходное. Такъ, напримѣръ, здѣсь, въ Самаровѣ—огромное торговое село—крестьяне отвели политикамъ *безплатно* цѣлый домъ и подарили первымъ пріѣхавшимъ сюда ссыльнымъ теленка и 2 куля муки. Лавки по установившейся традиціи уступаютъ политическимъ продукты дешевле, чѣмъ крестьянамъ. Часть здѣшнихъ ссыльныхъ живетъ коммуной въ своемъ домѣ, на которомъ всегда развѣвается красное знамя.

Попутно хочу сообщить вамъ два-три общихъ наблюденія надъ теперешней ссылкой.

Тотъ фактъ, что „политическое" населеніе

тюремъ и Сибири демократизируется по своему соціальному составу, указывался, начиная съ 90-хъ годовъ, десятки, если не сотни разъ. Рабочіе стали составлять все большій и большій процентъ политиковъ и, наконецъ, оставили далеко за флагомъ революціоннаго интеллигента, который со стараго времени привыкъ считать Петропавловскую крѣпость, Кресты и Колымскъ своей монопольной наслѣдственной собственностью, чѣмъ-то вродѣ майората. Мнѣ еще приходилось встрѣчать въ 900—902 гг. народовольцевъ и народоправцевъ, которые почти обиженно пожимали плечами, глядя на арестантскіе паузки, нагруженные виленскими трубочистами или минскими заготовщиками. Но ссыльный рабочій того времени былъ въ большинствѣ случаевъ членомъ революціонной организаціи и стоялъ въ политическомъ и моральномъ отношеніи на извѣстной высотѣ. Почти всѣ ссыльные—кромѣ рабочихъ изъ черты осѣдлости—просѣивались предварительно сквозь сито жандармскаго дознанія, и, какъ ни грубо это сито, оно въ общемъ отсѣивало наиболѣе передовыхъ рабочихъ. Это поддерживало ссылку на извѣстномъ уровнѣ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ ссылка „конституціоннаго“ періода нашей исторіи. Тутъ не организація, а массовое стихійное движеніе; не дознаніе, хотя бы и жандармское, а оптовая улич-

ная ловля. Не только въ ссылку, но и подъ пули попадалъ самый сѣрый массовикъ. Послѣ подавленія ряда народныхъ движеній начинается періодъ „партизанскихъ“ дѣйствій, экспропріацій съ революціонными цѣлями или только подъ революціоннымъ предлогомъ, максималистскія авантюры и просто хулиганскіе набѣги. Кого нельзя было на мѣстѣ повѣсить, администрація выбрасывала въ Сибирь. Понятно, что „въ числѣ драки“ столь колоссальнаго размѣра оказалось множество совсѣмъ посторонних людей, много случайныхъ, прикоснувшихся къ революціи однимъ пальцемъ, много зѣвакъ, наконецъ, не мало безшабашныхъ представителей ночной улицы большого города. Не трудно себѣ представить, какъ это отразилось на уровнѣ ссылки.

Есть и еще обстоятельство, которое фатально вліяетъ въ томъ же направленіи: это побѣги. Какіе элементы бѣгутъ, ясно само собою: наиболѣе активные, наиболѣе сознательные, люди, которыхъ ждетъ партія и работа. Какой процентъ уходитъ, можно судить по тому, что изъ 450 ссыльныхъ въ извѣстной части Тобольской губерніи осталось всего около 100. Не бѣгутъ только лѣнивые. Въ результатѣ главную массу ссылки образуетъ сѣрая, политически непристроенная, случайная публика. Тѣмъ сознательнымъ единицамъ, которыя почему-либо не смогли уйти, приходится подчасъ нелегко: какъ-ни-какъ, всѣ политики морально связаны передъ населеніемъ круговой порукой.

8 февраля. Карымкринскія юрты.

Вчера мы проѣхали 75 верстъ, сегодня—90. Пріѣзжаемъ на стоянку усталые и рано ложимся.

Стоимъ въ остяцкомъ селѣ, въ маленькой грязной избенкѣ. Въ грязной кухнѣ вмѣстѣ съ пьяными остяками топчутся озябшіе конвойные солдаты. Въ другомъ отдѣленіи блеетъ ягненокъ... Въ селѣ свадьба — теперь вообще время свадебъ, — всѣ остяки пьютъ, лѣзутъ время отъ времени къ намъ въ избу.

Пришелъ къ намъ въ гости саратовскій старичекъ, административно-ссыльный, тоже пьяный. Оказывается, онъ со своимъ товарищемъ пріѣхалъ сюда изъ Березова за мясомъ: этимъ „промышляютъ“. Оба—политики.

Трудно себѣ представить ту подготовительную работу, которая совершена здѣсь для нашего передвиженія. Нашъ поѣздъ, какъ я уже писалъ, состоитъ изъ 22 кошевъ и занимаетъ около 50 лошадей. Такое количество лошадей имѣется въ рѣдкомъ селѣ, и ихъ сгоняютъ издалека. На нѣкоторыхъ станціяхъ мы встрѣчали лошадей, пригнанныхъ *за 100 верстъ*! А между тѣмъ перегоны здѣсь очень короткіе: большинство въ 10—15 верстъ. Такимъ образомъ, остяку приходится пригнать лошадь за 100 верстъ, чтобъ провезти двухъ членовъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ на

протяженіи 10 верстъ. Такъ какъ точно неизвѣстно было, когда именно мы проѣдемъ, то ямщики, пріѣхавшіе изъ дальнихъ мѣстъ, дожидались насъ иногда *по двѣ недѣли*. Они вспоминаютъ еще только одинъ такой случай: это когда проѣзжалъ по этимъ мѣстамъ „самъ“ губернаторъ...

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ о той симпатіи, съ какой относятся къ политикамъ вообще, къ намъ въ особенности, мѣстные крестьяне. Удивительный случай произошелъ съ нами въ Бѣлогорьи, маленькомъ селѣ, уже въ Березовскомъ уѣздѣ.

Группа мѣстныхъ крестьянъ коллективно устроила для насъ чай и закуску и *собрала для насъ шесть рублей.*

Отъ денегъ мы, разумѣется, отказались, но чай пить отправились. Конвой, однако, воспротивился, и чаю напиться не удалось. Собственно унтеръ разрѣшилъ, но ефрейторъ поднялъ цѣлую бурю, кричалъ на все село, угрожая унтеру доносомъ. Намъ пришлось уйти изъ избы, безъ чаю, чуть не вся деревня шла за нами. Получилась цѣлая демонстрація.

9 февраля, село Кандинское.

— Вотъ и еще сто верстъ проѣхали. До Березова двое сутокъ ѣзды. 11-го будемъ тамъ. Сего-

дня порядкомъ усталъ: въ теченіе 9—10 часовъ непрерывной ѣзды приходится ничего не ѣсть.— Ѣдемъ все время Обью, или по рѣкамъ—по Обямъ, какъ выражаются иногда ямщики. Правый берегъ—гористый, лѣсной. Лѣвый—низменный. Рѣка широкая. Тихо и тепло. По обѣимъ сторонамъ дороги торчатъ елочки: ихъ втыкаютъ въ снѣгъ, чтобъ обозначить путь. Везутъ большей частью остяки. Везутъ на парахъ и тройкахъ, запряженныхъ цугомъ, такъ какъ дорога чѣмъ дальше, тѣмъ уже и хуже; у ямщиковъ длинный веревочный кнутъ на длинномъ кнутовищѣ. Поѣздъ растягивается на огромное разстояніе. Ямщикъ время отъ времени гикаетъ неистовымъ голосомъ. Тогда лошади несутся вскачь („на-машь" по-здѣшнему). Поднимается густая снѣжная пыль. Захватываетъ дыханье. Кошева наскакиваетъ на кошеву, лошадиная морда просовывается сзади около плеча и дышетъ тебѣ въ лицо. Потомъ кто-нибудь опрокидывается, или у какого-нибудь ямщика что-нибудь развязывается или рвется. Онъ останавливается. Останавливается и весь поѣздъ. Отъ долгой ѣзды чувствуешь себя какъ бы загипнотизированнымъ. Тихо. Ямщики перекрикиваются гортанными остяцкими звуками... Потомъ лошади снова рвутъ съ мѣста и несутся на-машь. Частыя остановки очень задерживаютъ и не даютъ ямщикамъ развернуться во всю. Мы дѣлаемъ верстъ 15 въ часъ,

тогда какъ настоящая ѣзда здѣсь—это 18—20 и даже 25 верстъ въ часъ...

Быстрая ѣзда въ Сибири—обычная и въ извѣстномъ смыслѣ необходимая вещь, вызываемая огромными разстояніями. Но такой ѣзды, какъ здѣсь, я не видалъ даже на Ленѣ.

Пріѣзжаемъ на станцію. За селомъ ждутъ запряженныя кошевы и свободныя лошади: двѣ кошевы у насъ „проходныя“ до Березова — для семейныхъ. Мы быстро пересаживаемся и ѣдемъ дальше. Удивительно здѣсь сидитъ ямщикъ! На передней части кошевы прибита поперекъ у самаго края доска; это мѣсто кошевы называется бесѣдкой. Ямщикъ сидитъ на бесѣдкѣ, т.-е. на голой доскѣ, свѣсивъ ноги черезъ бортъ саней, на-бокъ. Въ то время, какъ кони мчатся въ галопъ, а кошева становится то на одно ребро, то на другое, ямщикъ направляетъ ее своимъ тѣломъ, перегибаясь изъ стороны въ сторону, а мѣстами отталкиваясь ногами отъ земли...

12 февраля. Березовъ. Тюрьма.

Дней пять-шесть тому назадъ—я тогда не писалъ объ этомъ, чтобъ не вызывать излишнихъ безпокойствъ—мы проѣзжали черезъ мѣстность, сплошь зараженную сыпнымъ тифомъ. Теперь эти мѣста оставлены уже далеко позади. Въ Цингалинскихъ юртахъ, о которыхъ я упоминалъ въ

одномъ изъ прошлыхъ писемъ, тифъ былъ въ 30 избахъ изъ 60. То же и въ другихъ селеніяхъ. Масса смертныхъ случаевъ. Не было почти ямщика, у котораго не умеръ бы кто-нибудь изъ родныхъ. Ускореніе нашего путешествія съ нарушеніемъ первоначальнаго маршрута находится въ прямой связи съ тифомъ: приставъ мотивировалъ свой телеграфный запросъ необходимостью какъ можно скорѣе миновать зараженныя мѣста.

Каждый день мы за послѣднее время подвигаемся на 90—100 верстъ къ сѣверу, т.-е. почти на градусъ. Благодаря такому непрерывному передвиженію, убыль культуры—если тутъ можно говорить о культурѣ—выступаетъ передъ нами съ рѣзкой наглядностью. Каждый день мы опускаемся на одну ступень въ царство холода и дикости. Такое впечатлѣніе испытываетъ туристъ, поднимаясь на высокую гору и пересѣкая одну зону за другой... Сперва шли зажиточные русскіе крестьяне. Потомъ обрусѣвшіе остяки, наполовину утратившіе, благодаря смѣшаннымъ бракамъ, свой монгольскій обликъ. Далѣе мы миновали полосу земледѣлія. Пошелъ остякъ-рыболовъ, остякъ-охотникъ: малорослое лохматое существо, съ трудомъ говорящее по-русски. Лошадей становилось меньше, и лошади—все хуже: извозъ здѣсь не играетъ большой роли, и охотничья собака въ этихъ мѣстахъ нужнѣе и цѣннѣе лошади. Дорога

тоже сдѣлалась хуже: узкая, безъ всякаго накату... И тѣмъ не менѣе, по словамъ пристава, здѣшніе „трактовые“ остяки представляются образцомъ высокой культуры по сравненію съ тѣми, которые живутъ по притокамъ Оби.

Къ намъ здѣсь отношеніе смутное, недоумѣвающее,—пожалуй, какъ къ временно свергнутому большому начальству.

Одинъ остякъ сегодня спрашивалъ: „А гдѣ вашъ генералъ? Генерала мнѣ покажите... Вотъ бы мнѣ кого посмотрѣть... Никогда въ жизни не видалъ генерала“...—Когда какой-то остякъ впрягалъ плохую лошадь, другой ему крикнулъ: „Давай получше: не подъ пристава запрягаешь“... Хотя былъ и противоположный, единственный, впрочемъ, въ своемъ родѣ случай, когда остякъ по какому-то поводу, имѣвшему касательство къ упряжкѣ, сказалъ:—„Не великіе члены ѣдутъ“...

Вчера вечеромъ мы пріѣхали въ Березовъ. Вы не потребуете, конечно, чтобъ я вамъ описывалъ „городъ“. Онъ похожъ на Верхоленскъ, на Киренскъ и на множество другихъ городовъ, въ которыхъ имѣется около тысячи жителей, исправникъ и казначейство. Впрочемъ, здѣсь показываютъ еще—безъ ручательства за достовѣрность—могилу Остермана и мѣсто, гдѣ похороненъ Меньшиковъ. Непритязательные остряки показываютъ еще старуху, у которой Меньшиковъ столовался.

Привезли насъ непосредственно въ тюрьму. У входа стоялъ весь мѣстный гарнизонъ, человѣкъ пятьдесятъ, шпалерами. Какъ оказывается, тюрьму къ нашему пріѣзду чистили и мыли двѣ недѣли, освободивъ ее предварительно отъ арестантовъ. Въ одной изъ камеръ мы нашли большой столъ, накрытый скатертью, вѣнскіе стулья, ломберный столикъ, два подсвѣчника со свѣчами и семейную лампу. Почти трогательно!

Здѣсь отдохнемъ дня два, а затѣмъ тронемся дальше...

Да, дальше... но я еще не рѣшилъ для себя—въ какую сторону...

ОБРАТНО.

Обратно.

Первое время пути на лошадяхъ я на каждомъ „станкѣ“ оглядывался назадъ и съ ужасомъ видѣлъ, что разстояніе отъ желѣзной дороги становится все больше и больше. Обдорскъ ни для кого изъ насъ не былъ конечной цѣлью, а въ томъ числѣ и для меня. Мысль о побѣгѣ не покидала насъ ни на минуту. Но огромный конвой и режимъ бдительнаго надзора крайне затрудняли побѣгъ съ пути. Нужно, впрочемъ, сказать, что побѣгъ былъ все-таки возможенъ — разумѣется, не массовый, а единичный. Было нѣсколько плановъ, отнюдь не неосуществимыхъ, — но пугали послѣдствія побѣга для оставшихся. За доставку ссыльныхъ на мѣсто отвѣчали конвойные солдаты и въ первую голову унтеръ-офицеръ. Въ прошломъ году одинъ тобольскій унтеръ попалъ въ дисциплинарный баталіонъ за то, что упустилъ административно-ссыльнаго студента. Тобольскій конвой насторожился и сталъ значительно хуже

обращаться съ ссыльными въ пути. Послѣ того между конвоемъ и ссыльными какъ бы установилось молчаливое соглашеніе: не бѣжать съ пути. Никто изъ насъ не придавалъ этому соглашенію абсолютнаго значенія. Но все же оно парализовало рѣшимость,—и мы оставляли позади себя станокъ за станкомъ. Подъ конецъ, когда проѣхали нѣсколько сотъ верстъ, выработалась инерція движенія, — и я уже не оглядывался назадъ, а заглядывалъ впередъ, стремился „на мѣсто“, заботился о своевременномъ полученіи книгъ и газетъ, вообще собирался обосноваться... Въ Березовѣ это настроеніе сразу исчезло.

— Возможно ли отсюда уѣхать?

— Весной легко.

— А сейчасъ?

— Трудно, но, надо думать, возможно. Опытовъ, однако, еще не было.

Всѣ, рѣшительно всѣ говорили намъ, что весной уѣхать легко и просто. Въ основѣ этой простоты лежитъ физическая невозможность для малочисленной полиціи контролировать безчисленное количество ссыльныхъ. Но надзоръ за пятнадцатью ссыльными, поселенными въ одномъ мѣстѣ и пользующимися исключительнымъ вниманіемъ, все-таки возможенъ... Вернуться сейчасъ было бы куда вѣрнѣе.

Но для этого прежде всего нужно остаться въ Березовѣ. Проѣхать до Обдорска—значитъ еще удалиться на 480 верстъ отъ цѣли. Послѣ заявленія съ моей стороны, что вслѣдствіе болѣзни и усталости я немедленно ѣхать не могу и добровольно не поѣду, исправникъ послѣ совѣщанія съ врачемъ оставилъ меня на нѣсколько дней въ Березовѣ для отдыха. Я былъ помѣщенъ въ больницу. Какихъ-нибудь опредѣленныхъ плановъ у меня не было.

Въ больницѣ я устроился съ относительной свободой. Врачъ рекомендовалъ мнѣ побольше гулять, и я воспользовался своими прогулками, чтобы оріентироваться въ положеніи.

Самое простое, казалось бы, — это вернуться обратно тѣмъ же путемъ, какимъ насъ везли въ Березовъ, то-есть „большимъ тобольскимъ трактомъ“. Но этотъ путь казался мнѣ слишкомъ ненадежнымъ. Правда, по дорогѣ есть достаточное количество надежныхъ крестьянъ, которые будутъ тайно перевозить отъ села къ селу. Но все же сколько тутъ можетъ быть нежелательныхъ встрѣчъ! Вся администрація живетъ и ѣздитъ по тракту. Въ двое сутокъ, а при нуждѣ — даже скорѣе, можно изъ Березова доѣхать до перваго телеграфнаго пункта, — и оттуда предупредить полицію по всему пути до Тобольска. Отъ этого направленія я отказался.

Можно на оленяхъ перевалить Уралъ и черезъ Ижму пробраться въ Архангельскъ, тамъ дождаться первыхъ пароходовъ и проѣхать заграницу. До Архангельска путь надежный, глухими мѣстами. Но насколько безопасно будетъ оставаться въ Архангельскѣ? Объ этомъ у меня не было никакихъ свѣдѣній и добыть ихъ въ короткое время было неоткуда.

Наиболѣе привлекательнымъ показался мнѣ третій планъ: проѣхать на оленяхъ до уральскихъ горныхъ заводовъ, попасть у Богословскаго завода на узкоколейную желѣзную дорогу и доѣхать по ней до Кушвы, гдѣ она смыкается съ пермской линіей. А тамъ — Пермь, Вятка, Вологда, Петербургъ...

На заводы можно отправиться на оленяхъ прямо изъ Березова—по Сосьвѣ или Вогулкѣ. Тутъ сразу открывается дичь и глушь. Никакой полиціи на протяженіи тысячи верстъ, ни одного русскаго поселенія, только рѣдкія остяцкія юрты, о телеграфѣ, конечно, нѣтъ и помину, совершенно нѣтъ на всемъ пути лошадей — трактъ исключительно „оленный". Нужно только выиграть у березовской администраціи нѣкоторое время,—и меня не догонятъ, даже если бросятся по тому же направленію.

Меня предупреждали, что это — путь, исполненный „лишеній и физическихъ опасностей"

Иногда на сотню верстъ нѣтъ человѣческаго жилья. У остяковъ, единственныхъ обитателей края, свирѣпствуютъ заразныя болѣзни; не переводится сифилисъ, частымъ гостемъ бываетъ сыпной тифъ. Помощи ждать не отъ кого. Этой зимой въ Оурвинскихъ юртахъ, которыя лежатъ по сосьвинскому пути, умеръ молодой березовскій купецъ Добровольскій: двѣ недѣли метался онъ безпомощно въ жару... А что, если падетъ олень, и негдѣ будетъ достать ему смѣну? А буранъ? Онъ иногда продолжается нѣсколько сутокъ. Если застигнетъ въ пути—гибель. А между тѣмъ февраль—мѣсяцъ бурановъ. И точно ли теперь есть дорога до заводовъ? Передвиженіе тамъ рѣдкое и, если за послѣдніе дни остяки не проѣзжали по тѣмъ мѣстамъ, то слѣдъ должно было во многихъ мѣстахъ совсѣмъ замести. Значитъ, не мудрено сбиться съ пути. Таковы были предостереженія.

Отрицать опасности не приходилось. Конечно, тобольскій трактъ имѣетъ большія преимущества со стороны физической безопасности и „комфорта". Но именно поэтому онъ несравненно опаснѣе въ полицейскомъ отношеніи. Я рѣшилъ отправиться по Сосьвѣ — и у меня нѣтъ причины сожалѣть о моемъ выборѣ.

* * *

Оставалось найти человѣка, который взялся бы довезти меня до заводовъ, — то-есть оставалось самое трудное.

— Стойте, я вамъ это устрою,—сказалъ мнѣ послѣ долгихъ разговоровъ и размышленій молодой „либеральный“ купецъ Никита Серапіонычъ, съ которымъ я велъ по этому предмету переговоры. Тутъ верстъ 40 подъ городомъ, въ юртахъ, зырянинъ живетъ, Никифоромъ звать... ужъ это такой пройдоша... у него двѣ головы, онъ на все пойдетъ...

— А не пьетъ онъ?—спросилъ я предусмотрительно.

— Какъ не пить—пьетъ. Да кто же здѣсь не пьетъ? Онъ виномъ и погубилъ себя: охотникъ хорошій, прежде много соболей добывалъ, большія деньги зарабатывалъ... Ну да ничего: если онъ на это дѣло пойдетъ, онъ, дастъ Богъ, воздержится. Я къ нему съѣзжу. Это такой пройдоша... ужъ если онъ не свезетъ, никто не свезетъ...

Совмѣстно съ Никитой Серапіонычемъ мы выработали условія договора. Я покупаю тройку оленей, самыхъ лучшихъ, на выборъ. Кошева тоже моя. Если Никифоръ благополучно доставитъ меня на заводы, олени съ кошевой поступаютъ въ его собственность. Сверхъ того я уплачиваю ему пятьдесятъ рублей деньгами.

Къ вечеру я ужъ зналъ отвѣтъ. Никифоръ согласенъ. Онъ отправился въ чумъ верстъ за 50 отъ своего жилья и завтра къ обѣду приведетъ тройку лучшихъ оленей. Выѣхать можно будетъ, пожалуй, завтра въ ночь. Нужно къ тому времени запастись всѣмъ необходимымъ: купить хорошіе оленьи кисы съ чижами *), малицу или гусь **) и заготовить провизіи дней на десять. Всю эту работу бралъ на себя Никита Серапіонычъ.

— Я вамъ говорю,—увѣрялъ онъ меня,—что Никифоръ вывезетъ. Уже этотъ вывезетъ.

— Если не запьетъ,—возражалъ я съ сомнѣніемъ.

— Ну, ничего, дастъ Богъ, не запьетъ... Боится только, что горой дороги не найдетъ: восемь лѣтъ не ѣздилъ. Придется, пожалуй, ѣхать рѣкой до Шоминскихъ юртъ, а это много дальше...

Дѣло въ томъ, что отъ Березова на Шоминскія юрты два пути: одинъ — „горою“, прямикомъ—пересѣкаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣку Вогулку и проходитъ черезъ Выжпуртымскія

---

*) Чижи — чулки оленьяго мѣха, шерстью къ ногѣ; кисы—сапоги оленьяго мѣха, шерстью наружу.

**) Верхняя одежда изъ оленьяго мѣха. *Малица* шьется мѣхомъ внутрь; поверхъ малицы въ холодное время надѣвается *гусь*, мѣхомъ наружу.

юрты. Другой тянется по Сосьвѣ, черезъ Шайтанскія, Малѣевскія юрты и т. д. „Горою“ — вдвое ближе, но это мѣсто глухое, рѣдко когда по ней проѣдетъ остякъ, и дорогу иногда безслѣдно заноситъ снѣгомъ.

На другой день выѣхать оказалось, однако, невозможно. Никифоръ оленей не привелъ, — и гдѣ онъ, и что съ нимъ,—незвѣстно. Никита Серапіоновичъ чувствовалъ себя очень смущеннымъ.

— Да вы не дали ли ему денегъ на покупку оленей?—спросилъ я.

— Ну, что вы!.. Кажись, я тоже не мальчикъ. Я ему только пять рублей задатку далъ, да и то при женѣ. Вотъ погодите, я къ нему сегодня опять съѣзжу...

Отъѣздъ затягивался, по крайней мѣрѣ, на сутки. Исправникъ каждый день можетъ потребовать, чтобъ я отправился въ Обдорскъ. Дурное начало!

Выѣхалъ я на третій день, 18 февраля.

Утромъ явился въ больницу Никита Серапіоновичъ и, улучивъ удобную минуту, когда въ моей комнатѣ никого не было, рѣшительно сказалъ:

Сегодня въ одиннадцать часовъ ночи незамѣтно приходите ко мнѣ. Въ двѣнадцать рѣшено выѣхать. Мои всѣ чада и домочадцы сегодня на спектакль уйдутъ, я одинъ дома останусь. У меня переодѣнетесь, поужинаете, я васъ на своей

лошади въ лѣсъ свезу. Никифоръ насъ тамъ уже будетъ дожидаться. Онъ васъ горой увезетъ: вчера, говоритъ, двѣ остяцкія нарты слѣдъ проложили.

— Это окончательно?—спросилъ я съ сомнѣніемъ.

— Рѣшительно и окончательно!

До вечера я бродилъ изъ угла въ уголъ. Въ 8 часовъ отправился въ казарму, гдѣ происходилъ спектакль. Я рѣшилъ, что такъ будетъ лучше. Помѣщеніе казармы было переполнено. На потолкѣ висѣли три большія лампы, по бокамъ горѣли свѣчи, укрѣпленныя на штыкахъ. Три музыканта жались у самой сцены. Передній рядъ былъ занятъ администраціей, дальше сидѣли купцы въ перемежку съ политическими, задніе ряды были заняты народомъ попроще: приказчиками, мѣщанами, молодежью. У обѣихъ стѣнъ стояли солдаты. На сценѣ уже шелъ чеховскій „Медвѣдь“. Толстый, высокій и добродушный фельдшеръ Антонъ Ивановичъ изображалъ „медвѣдя“. Жена врача играла прекрасную сосѣдку. Самъ врачъ шипѣлъ изъподъ будки въ качествѣ суфлера. Потомъ опустился искусно разрисованный занавѣсъ, и всѣ апплодировали.

Въ антрактѣ политическіе собрались въ одну группу и дѣлились послѣдними новостями. „Говорятъ, исправникъ очень жалѣетъ, что семейныхъ

депутатовъ не оставили въ Березовѣ".—„Исправникъ, между прочимъ, сказалъ, что отсюда побѣгъ невозможенъ".—„Ну, это онъ преувеличиваетъ, возражаетъ кто-то: везутъ же сюда, значитъ можно проѣхать и обратно".

Три музыканта умолкли, поднялся занавѣсъ. Играли „Трагика по неволѣ", драму дачнаго мужа. Въ чесунчевомъ пиджакѣ и соломенной шляпѣ больничный смотритель изъ военныхъ фельдшеровъ изображалъ мужа дачника—въ февралѣ, у полярнаго круга. Когда занавѣсъ опустился надъ драмой дачнаго мужа, я простился съ товарищами и ушелъ, сославшись на невралгію.

Никита Серапіоновичъ ждалъ меня.

— У васъ какъ разъ достаточно времени, чтобъ поужинать и переодѣться. Никифору сказано выѣхать на указанное мѣсто, когда на каланчѣ пробьетъ двѣнадцать.

* * *

Около полуночи мы вышли во дворъ. Со свѣту казалось очень темно. Въ сумракѣ видна была кошева, запряженная одной лошадью. Я улегся на дно кошевы, подостлавъ наскоро свой гусь. Никита Серапіоновичъ накрылъ меня всего большимъ ворохомъ соломы и увязалъ ее сверху веревками: походило, будто везетъ кладь. Солома была мерзлая, смѣшанная со снѣгомъ. Отъ ды-

ханія снѣгъ быстро подтаивалъ надъ лицомъ и падалъ мокрыми хлопьями на лицо. Руки тоже зябли въ мерзлой соломѣ, потому что я забылъ вынуть рукавицы, а шевелиться подъ веревками было трудно. На каланчѣ пробило двѣнадцать. Кошева тронулась, мы выѣхали за ворота, и лошадь быстро понесла по улицѣ.

„Наконецъ-то!“ подумалъ я. „Началось!“ И ощущеніе холода въ рукахъ и въ лицѣ было мнѣ пріятно, какъ реальный признакъ того, что теперь уже дѣйствительно „началось“. Ѣхали мы рысью минутъ двадцать, потомъ остановились. Надо мной раздался рѣзкій свистъ, очевидно, сигналъ Никиты. Тотчасъ же послышался на нѣкоторомъ разстояніи отвѣтный свистъ, и вслѣдъ затѣмъ до насъ донеслись какіе-то неясные голоса. Кто это разговариваетъ? подумалъ я съ тревогой. Никита, очевидно, тоже раздѣлялъ мое безпокойство, такъ какъ не развязывалъ меня, а что-то ворчалъ про себя.

— Кто это?—спросилъ я вполголоса сквозь солому.

— Чортъ его знаетъ, съ кѣмъ онъ связался, — отвѣтилъ Никита.

— Онъ пьянъ?

— То-то и есть, что не трезвъ.

Между тѣмъ изъ лѣсу на дорогу выѣхали разговаривавшіе. „Ничего, Никита Серапіонычъ,

ничего,—услышалъ я чей-то голосъ—пусть этотъ субъектъ не безпокоится... это вотъ другъ мой... а это—старикъ, это отецъ мой... эти люди—нини...“ Никита ворча развязалъ меня. Передо мной стоялъ высокій мужикъ въ малицѣ, съ открытой головой, ярко рыжій, съ пьянымъ и все же хитрымъ лицомъ, очень похожій на малоросса. Въ сторонѣ молча стоялъ молодой парень, а на дорогѣ, держась за кошеву, выѣхавшую изъ лѣса, пошатывался старикъ, очевидно, уже совершенно побѣжденный виномъ.

— Ничего, господинъ, ничего... — говорилъ рыжій человѣкъ, въ которомъ я угадалъ Никифора,—это мои люди, я за нихъ ручаюсь. Никифоръ пьетъ, но ума не пропиваетъ... Не безпокойтесь... На этакихъ быкахъ (онъ указалъ на оленей) чтобы не доставить... Дядя Михаилъ Егорычъ говоритъ: поѣзжай горой... давеча двѣ остяцкія нарты проѣхали... а мнѣ горой лучше... рѣкой меня всякій знаетъ... Я какъ пригласилъ Михаила Егорыча на пельмени... хо-ро-шій мужикъ...

— Постой, постой, Никифоръ Ивановичъ, вещи укладывай!—повысилъ голосъ Никита Серапіоновичъ. Тотъ заторопился. Въ пять минутъ все было устроено, и я сидѣлъ въ новой кошевѣ.

— Эхъ, Никифоръ Иванычъ, — сказалъ съ

укоризной Никита, — напрасно ты этихъ людей привелъ: сказано тебѣ было... Ну, смотрите, обратился онъ къ нимъ,—чтобъ вы ни-ни!

— Ни-ни... отвѣтилъ молодой мужикъ. Старикъ только безпомощно помахалъ въ воздухѣ пальцемъ. Я тепло простился съ Никитой Серапіонычемъ.

— Трогай!

Никифоръ молодецки гикнулъ, олени рванули, и мы поѣхали.

* * *

Олени бѣжали бодро, свѣсивъ на бокъ языки и часто дыша: чу-чу-чу-чу... Дорога шла узкая, животныя жались въ кучу и приходилось дивиться, какъ они не мѣшаютъ другъ другу бѣжать.

— Надо прямо говорить, обернулся ко мнѣ Никифоръ:—лучше этихъ оленей нѣту. Это быки на выборъ: семьсотъ оленей въ стадѣ, а лучше этихъ нѣтъ. Михей-старикъ сперва и слушать не хотѣлъ: этихъ быковъ не отдамъ. Потомъ ужъ, какъ выпилъ бутылочку, говоритъ: „бери". А когда отдавалъ оленей, заплакалъ. „Смотри, говоритъ, этому вожаку (Никифоръ указалъ на переднего оленя) цѣны нѣту. Если вернешься назадъ счастливо, я у тебя ихъ за тѣ же деньги куплю". Вотъ какіе это быки. И деньги за нихъ даны

хорошія, — но только нужно правду сказать: стоятъ. Одинъ вожакъ у насъ стоитъ двадцать пять рублей. А только у дяди Михаилъ Осиповича можно было на прокатъ даромъ взять. Дядя мнѣ прямо сказалъ: дуракъ Никифоръ. Такъ и сказалъ: дуракъ ты, говоритъ, Никифоръ, зачѣмъ ты мнѣ прямо не сказалъ, что ты везешь этого субъекта?

— Какого субъекта?—перебилъ я разсказъ.

— Да васъ, напримѣръ.

Я имѣлъ потомъ много случаевъ замѣтить, что слово *субъектъ* было излюбленнымъ въ словарѣ моего провожатаго.

Едва мы отъѣхали верстъ десять, Никифоръ вдругъ рѣшительно остановилъ оленей.

— Тутъ намъ въ сторону свернуть надо верстъ пять, въ чумъ заѣхать... Тамъ для меня гусь есть. Куда я въ одной малицѣ поѣду? Я замерзну. У меня и записка отъ Никиты Серапіоныча насчетъ гуся.

Я совершенно опѣшилъ предъ этимъ нелѣпымъ предпріятіемъ: заѣзжать въ чумъ въ десяти верстахъ отъ Березова. Изъ уклончивыхъ отвѣтовъ Никифора я понялъ, что за гусемъ ему полагалось съѣздить еще вчера, но онъ пьянствовалъ послѣдніе два дня напролетъ.

— Какъ хотите,—сказалъ я ему,—я за гусемъ не поѣду. Чортъ знаетъ, что такое! Нужно было

позаботиться раньше... Если будетъ холодно, вы надѣнете подъ малицу мою шубу,—она сейчасъ подо мной лежитъ. А когда доѣдемъ до мѣста, я вамъ подарю полушубокъ, который на мнѣ: онъ лучше всякаго гуся.

— Ну, и хорошо,—сразу согласился Никифоръ,—зачѣмъ намъ гусь? Мы не замерзнемъ. Го-го!—крикнулъ онъ на оленей.—Эти быки у насъ безъ шеста пойдутъ. Го-го!

Но бодрости у Никифора хватило не надолго. Вино одолѣло его. Онъ совсѣмъ размякъ, качался на нартахъ изъ стороны въ сторону и все крѣпче засыпалъ. Нѣсколько разъ я будилъ его. Онъ встряхивался, толкалъ оленей длиннымъ шестомъ и бормоталъ: „Ничего, эти быки пойдутъ“... И снова засыпалъ. Олени шли почти шагомъ, и только мой крикъ еще отчасти подбадривалъ ихъ. Такъ прошло часа два. Потомъ я самъ задремалъ и проснулся черезъ нѣсколько минутъ, когда почувствовалъ, что олени стали. Со сна мнѣ показалось, что все погибло.—„Никифоръ!“ закричалъ я, изо всѣхъ силъ дергая его за плечо. Онъ въ отвѣтъ бормоталъ какія-то безсвязныя слова: „Что я могу дѣлать? Я ничего не могу... Я спать хочу“... Дѣло мое дѣйствительно обстояло очень печально. Мы едва отъѣхали отъ Березова 30—40 верстъ. Стоянка на такомъ разстояніи вовсе не входила въ мои планы. Я уви-

дѣлъ, что шутки плохи, и рѣшилъ „принять мѣры".

— Никифоръ!—закричалъ я, стаскивая капюшонъ съ его пьяной головы и открывая ее морозу,—если вы не сядете, какъ слѣдуетъ, и не погоните оленей, я васъ сброшу въ снѣгъ и поѣду одинъ.

Никифоръ слегка очнулся: отъ мороза ли, или отъ моихъ словъ,—не знаю. Оказалось, что во время сна онъ выронилъ изъ рукъ шестъ. Шатаясь и почесываясь, онъ разыскалъ въ кошевѣ топоръ, срубилъ у дороги молоденькую сосну и очистилъ ее отъ вѣтвей. Шестъ былъ готовъ, и мы тронулись.

Я рѣшилъ держать Никифора въ строгости.

— Вы понимаете, что вы дѣлаете?—спросилъ я его какъ можно внушительнѣе.—Что это: шутки, что ли? Если насъ нагонятъ, вы думаете, насъ похвалятъ?

— Да развѣ я не понимаю?—отвѣтилъ Никифоръ, все болѣе и болѣе приходя въ чувство.—Что вы!.. Вотъ только третій быкъ у насъ слабоватъ. Первый быкъ хорошъ, лучше не надо, и второй быкъ хорошъ... ну, третій, надо правду говорить, совсѣмъ дрянь...

Морозъ къ утру замѣтно крѣпчалъ. Я надѣлъ поверхъ полушубка гусь и чувствовалъ себя прекрасно. Но положеніе Никифора становилось все

хуже. Хмѣль выходилъ изъ него, морозъ уже давно забрался къ нему подъ малицу, и несчастный весь дрожалъ.

— Вы бы шубу надѣли,—предлагалъ я ему.

— Нѣтъ, теперь ужъ поздно: надо сперва самому обогрѣться и шубу нагрѣть.

Черезъ часъ у дороги показались юрты: три-четыре жалкія бревенчатыя избенки.

— Я на пять минутъ зайду, насчетъ дороги справлюсь и обогрѣюсь...

Прошло пять минутъ, десять, пятнадцать. Къ кошевѣ подошло какое-то существо, закутанное въ мѣха, постояло и ушло. Стало чуть-чуть свѣтать, и лѣсъ вмѣстѣ съ жалкими юртами принялъ въ моихъ глазахъ какой-то зловѣщій отблескъ.— Чѣмъ вся эта исторія кончится? спрашивалъ я себя. Далеко ли я уѣду съ этимъ пьяницей? При такой ѣздѣ насъ не трудно нагнать. Съ пьяныхъ глазъ Никифоръ можетъ, Богъ знаетъ, чего наболтать какимъ-нибудь встрѣчнымъ, тѣ передадутъ въ Березовъ, и—конецъ. Если даже не нагонятъ, то дадутъ знать по телеграфу на всѣ станціи узко-колейной вѣтки... Стоитъ ли ѣхать дальше? спрашивалъ я себя съ сомнѣніемъ...

Прошло около получаса. Никифоръ не появлялся. Необходимо было его разыскать, а между тѣмъ я даже не замѣтилъ, въ какой юртѣ онъ скрылся. Я подошелъ къ первой отъ дороги и

заглянулъ въ окно. Очагъ въ углу ярко пылалъ. На полу стоялъ котелокъ, отъ котораго шелъ паръ. На нарахъ сидѣла группа съ Никифоромъ въ центрѣ; въ рукахъ его была бутылка. Я изъ всѣхъ силъ забарабанилъ по окну и стѣнѣ. Черезъ минуту появился Никифоръ. На немъ была моя шуба, виднѣвшаяся на два вершка изъ-подъ малицы.

— Садитесь!—крикнулъ я на него грозно.

— Сейчасъ, сейчасъ... отвѣтилъ онъ очень кротко,—ничего, я обогрѣлся, теперь поѣдемъ. Мы въ ночь уѣдемъ такъ, что насъ не видать будетъ. Вотъ только третій быкъ у насъ того... выкрасить да выбросить...

Мы поѣхали.

* * *

Было ужъ часовъ 5. Луна давно взошла и ярко свѣтила, морозъ окрѣпъ, въ воздухѣ было предчувствіе утра. Я давно ужъ надѣлъ поверхъ овчиннаго полушубка оленью шубу, въ ней было тепло, въ посадкѣ Никифора чувствовалась увѣренность и бодрость, олени бѣжали на славу, и я спокойно дремалъ. Время отъ времени я просыпался и наблюдалъ все ту же картину. Ѣхали мы, очевидно, болотистыми, почти безлѣсными мѣстами, мелкія чахлыя сосны и березки торчали изъ-подъ снѣгу, дорога вилась узкой, еле замѣтной полосой. Олени

бѣжали съ неутомимостью и правильностью автоматовъ, и громкое дыханіе ихъ напоминало шумъ маленькихъ локомотивовъ. Никифоръ откинулъ бѣлый капюшонъ и сидѣлъ съ открытой головой. Бѣлые оленьи волосы набились въ его рыжую лохматую голову и казалось, что она покрылась инеемъ. „Ѣдемъ, ѣдемъ“, думалъ я, испытывая въ груди приливъ теплой волны радостнаго чувства. Они могутъ меня день и два не хватиться... Ѣдемъ, ѣдемъ... И я снова засыпалъ.

Часовъ въ девять утра Никифоръ остановилъ оленей. Почти у самой дороги оказался *чумъ*, большой шалашъ изъ оленьихъ шкуръ, въ формѣ усѣченаго конуса. Подлѣ чума стояли нарты съ запряженными оленями, лежали нарубленныя дрова, на веревкѣ висѣли свѣже снятыя оленьи кожи, на снѣгу валялась ободранная оленья голова съ огромными рогами, двое дѣтей въ малицахъ и кисахъ возились съ собаками.

— Откуда тутъ чумъ?—удивился Никифоръ.— Я думалъ, до Выжпуртымскихъ юртъ ничего не найдемъ. — Онъ справился: оказалось, что это Харумпаловскіе остяки, живущіе за 200 верстъ отсюда, промышляютъ здѣсь бѣлку. Я собралъ посуду и провизію черезъ небольшое отверстіе, прикрытое кожей, мы влѣзли въ чумъ, чтобъ позавтракать и напиться чаю.

— Пайси, привѣтствовалъ Никифоръ хозяевъ.

— Пайси, пайси, пайси, отвѣтили ему съ разныхъ сторонъ.

На полу лежали кругомъ кучи мѣха, и въ нихъ копошились человѣческія фигуры. Вчера здѣсь пили, и сегодня всѣ съ похмѣлья. Посреди помѣщенія горѣлъ костеръ, и дымъ свободно выходилъ въ большое отверстіе, оставленное въ вершинѣ чума. Мы подвѣсили чайники и подложили дровъ. Никифоръ совершенно свободно разговаривалъ съ хозяевами по-остяцки. Поднялась женщина съ ребенкомъ, котораго она только что, очевидно, кормила, и не пряча груди, подвинулась къ костру, Она была безобразна, какъ смерть. Я далъ ей конфету. Тотчасъ же поднялись еще двѣ фигуры и подвинулись къ намъ. „Просятъ водки", перевелъ мнѣ Никифоръ ихъ рѣчи. Я далъ имъ спирту. адскаго спирту въ 95 градусовъ. Они пили, морща лицо, и сплевывали на полъ. Выпила свою долю и женщина съ открытой грудью. „Старикъ еще проситъ", объяснилъ мнѣ Никифоръ, поднося вторую рюмку пожилому лысому остяку съ лоснящимися красными щеками. „Я этого старика, объяснилъ онъ мнѣ далѣе, за четыре цѣлковыхъ до Шоминскихъ юртъ подрядилъ. Онъ на тройкѣ впередъ поѣдетъ, намъ дорогу проложитъ, нашимъ оленямъ за его нартами бѣжать веселѣй будетъ".

Мы напились чаю, поѣли, я угостилъ хозяевъ на прощанье папиросами. Потомъ уложили всѣ

вещи на нарты старика, усѣлись и поѣхали. Яркое солнце стояло высоко, дорога пошла лѣсомъ, въ воздухѣ было свѣтло и радостно. Впереди ѣхалъ остякъ на трехъ бѣлыхъ беременныхъ важенкахъ (самкахъ). У него въ рукахъ былъ огромной длины шестъ, заканчивавшійся сверху небольшой роговой шляпкой, а снизу заостреннымъ металлическимъ наконечникомъ; Никифоръ тоже взялъ себѣ новый шестъ. Важенки быстро несли легкія нарты старика, и наши быки подтянулись и не отставали ни на шагъ.

— Почему старикъ головы не прикроетъ? спросилъ я Никифора, съ удивленіемъ наблюдая лысую голову остяка, предоставленную морозу.

— Такъ хмѣль скорѣй выходитъ,—объяснилъ мнѣ Никифоръ.

И дѣйствительно, черезъ полчаса старикъ остановилъ своихъ важенокъ и подошелъ къ намъ за спиртомъ.

— Нужно угостить старика,—рѣшилъ Никифоръ, заодно угощая также и себя. — Вѣдь важенки то у него запряжены стояли.

— Ну?

— Въ Березовъ за виномъ ѣхать собирался. Какъ бы, думаю, онъ тамъ чего лишняго не сказалъ... Вотъ я его и нанялъ. Такъ наше дѣло будетъ вѣрнѣе. Теперь когда-то онъ еще въ городѣ будетъ: черезъ два дня. Я-то не боюсь.

Мнѣ—что? Спросятъ: возилъ? А я почемъ знаю, кого возилъ? Ты—полиція, я — ямщикъ. Ты жалованье получаешь? Твое дѣло смотрѣть, мое дѣло возить. Правильно я говорю?

— Правильно!

Сегодня 19 февраля. Завтра открывается Государственная Дума. Амнистія! „Первымъ долгомъ Государственной Думы будетъ амнистія". Возможно... Но лучше дожидаться этой амнистіи на нѣсколько десятковъ градусовъ западнѣе. „Такъ наше дѣло будетъ вѣрнѣе", какъ говоритъ Никифоръ.

* * *

Миновавъ Выжпуртымскія юрты, мы нашли на дорогѣ мѣшокъ, повидимому, съ печенымъ хлѣбомъ. Въ немъ было свыше пуда вѣсомъ. Несмотря на мои энергичные протесты, Никифоръ уложилъ мѣшокъ въ нашу кошеву. Я воспользовался его пьяной дремотой и тихонько выбросилъ на дорогу находку, которая только отягощала оленей.

Проснувшись, Никифоръ не нашелъ ни мѣшка, ни шеста, который онъ взялъ въ чумѣ у старика.

Удивительныя созданія эти олени—безъ голода и безъ усталости. Они ничего не ѣли цѣлыя сутки до нашего выѣзда, да вотъ уже скоро сутки, какъ мы ѣдемъ безъ кормежки. По объясне-

нію Никифора, они теперь только „разошлись". Бѣгутъ ровно, неутомимо, верстъ 8—10 въ часъ. Каждыя 10—15 верстъ дѣлается остановка на двѣ-три минуты, чтобъ дать оленямъ оправиться; потомъ снова ѣдутъ дальше. Такой перегонъ называется „оленьей побѣжкой", и такъ какъ версты здѣсь не мѣрены, то числомъ побѣжекъ измѣряютъ разстояніе. Пять побѣжекъ означаетъ верстъ 60—70.

Когда мы достигнемъ Шоминскихъ юртъ, гдѣ разстанемся со старикомъ и его важенками, мы оставимъ позади себя, по крайней мѣрѣ, десять побѣжекъ... Это уже приличная дистанція.

Часовъ въ 9 вечера, когда уже было совсѣмъ сумеречно, намъ впервые за все время ѣзды попались навстрѣчу нѣсколько нартъ. Никифоръ попробовалъ разминуться не останавливаясь. Но не тутъ-то было: дорога такъ узка, что стоитъ немного свернуть въ сторону — и олени тонутъ въ снѣгу по брюхо. Нарты остановились. Одинъ изъ встрѣчныхъ ямщиковъ подошелъ къ намъ, въ упоръ взглянулъ на Никифора и назвалъ его по имени: „Кого везешь? Далеко?"

— Недалеко...—отвѣтилъ Никифоръ, — купца везу обдорскаго.

Эта встрѣча взволновала его.—И угораздилъ его чортъ встрѣчь попасть. Пять лѣтъ его не видалъ, — узналъ чортъ. Это зыряне ляпинскіе,

сто верстъ отсюда, въ Березовъ за товаромъ и за водкой ѣдутъ. Завтра ночью въ городѣ будутъ.

— Мнѣ-то ничего,—сказалъ я,—насъ ужъ не догонятъ. Не вышло бы только чего, когда вы вернетесь...

— А чего выйдетъ? Я скажу: мое дѣло возить, я ямщикъ. Кто онъ—купецъ или политикъ, на лбу тоже у ихняго брата не написано.—Ты—полиція, ты гляди! Я — ямщикъ, я вожу. Правильно?

— Правильно...

Настала ночь, глубокая и темная. Луна теперь восходитъ только подъ утро. Олени, несмотря на тьму, твердо держались дороги. Никто не попадался намъ навстрѣчу. Только въ часъ ночи мы вдругъ выѣхали изъ тьмы въ яркое пятно свѣта и остановились. У самаго костра, ярко горѣвшаго на краю дороги, сидѣли двѣ фигуры, большая и маленькая. Въ котелкѣ кипѣла вода, и мальчикъ-остякъ строгалъ на свою рукавицу кусочки кирпичнаго чаю и бросалъ въ кипятокъ.

Мы вошли въ свѣтъ костра, и наша кошева съ оленями сразу утонула во мракѣ. У костра раздались звуки чуждой и непонятной намъ рѣчи. Никифоръ взялъ у мальчика чашку и, зачерпнувъ снѣгу, погрузилъ ее на мгновеніе въ кипящую воду; потомъ снова зачерпнулъ ею снѣгу

изъ-подъ самаго костра и снова опустилъ въ котелъ. Казалось, онъ готовитъ какое-то таинственное питье надъ этимъ костромъ, затерявшимся въ глубинѣ ночи и пустыни. Потомъ онъ долго и жадно пилъ.

Олени наши, очевидно, начали уставать. При каждой остановкѣ они ложатся другъ подлѣ друга и глотаютъ снѣгъ.

* * *

Около двухъ часовъ ночи мы пріѣхали въ Шоминскія юрты. Здѣсь мы рѣшили дать передышку оленямъ и покормить ихъ. Юрты это ужъ не кочевья, а постоянныя бревенчатыя жилища. Однако, громадная разница по сравненію съ тѣми юртами, въ какихъ мы останавливались по Тобольскому тракту. Тамъ это въ сущности крестьянская изба, съ двумя половинами, съ русской печью, съ самоваромъ, со стульями—только похуже и погрязнѣе обычной избы сибирскаго мужика. Здѣсь — одна „комната“, съ примитивнымъ очагомъ вмѣсто печи, безъ мебели, съ низкой входной дверью, съ льдиной вмѣсто стекла. Тѣмъ не менѣе, я почувствовалъ себя прекрасно, когда снялъ гусь, полушубокъ и кисы, которыя старая остячка тутъ же повѣсила у очага для просушки. Почти сутки я ничего не ѣлъ.

Какъ хорошо было сидѣть на нарахъ, по-

крытыхъ оленьей кожей, ѣсть холодную телятину съ полуоттаявшимъ хлѣбомъ и ждать чаю. Я выпилъ рюмку коньяку, въ головѣ чуть шумѣло, и казалось, будто путешествіе уже закончилось... Молодой остякъ, съ длинными косами, перевитыми красными суконными лентами, поднялся съ наръ и отправился кормить нашихъ оленей.

— А чѣмъ онъ ихъ кормить будетъ? — справился я.

— Мохомъ. Отпуститъ ихъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ мохъ есть, они уже его сами изъ-подъ снѣгу добудутъ. Разроютъ яму, лягутъ въ нее и наѣдятся. Много ли оленю нужно?

— А хлѣба они не ѣдятъ?

— Кромѣ моху ничего не ѣдятъ,—развѣ что съ первыхъ дней къ печеному хлѣбу пріучишь; да это рѣдко бываетъ.

Старуха подбросила дровъ въ очагъ, затѣмъ разбудила молодую остячку, и та, прикрывая отъ меня лицо платкомъ, вышла во дворъ—очевидно, помочь своему мужу, молодому парню, котораго Никифоръ подрядилъ за два рубля сопровождать насъ до Оурви. Остяки страшно лѣнивы, и всю работу у нихъ выполняютъ бабы. И это не только въ домашнемъ обиходѣ: не рѣдкость встрѣтить остячку, которая ходитъ съ ружьемъ на охоту, промышляетъ бѣлку и соболя. Одинъ тобольскій лѣсничій разсказывалъ мнѣ о лѣности остяковъ

и объ ихъ отношеніи къ женамъ удивительныя вещи. Ему приходилось изслѣдовать глухія пространства Тобольскаго уѣзда, такъ называемые „туманы". Въ качествѣ проводниковъ онъ нанималъ остяковъ, поденно, по 3 рубля. И вотъ за каждымъ молодымъ остякомъ отправлялась въ „туманы" его жена, а за холостымъ или вдовымъ—сестра или мать. Женщина несла всѣ дорожныя принадлежности: топоръ, котелокъ, мѣшокъ съ провизіей. У мужчины — только ножъ за поясомъ. Когда дѣлали привалъ, женщина расчищала мѣсто, принимала изъ рукъ мужа его поясъ, который онъ снималъ, чтобы облегчить себя, разводила костеръ и готовила чай. Мужчина садился и въ ожиданіи курилъ трубку...

Чай былъ готовъ, и я съ жадностью поднесъ чашку ко рту. Но отъ воды невыносимо воняло рыбой. Я влилъ въ чашку двѣ ложки клюквенной эссенціи и лишь этимъ заглушилъ рыбный запахъ.

— А вы не чувствуете?—спросилъ я Никифора.

— Намъ рыба не мѣшаетъ, мы ее сырую ѣдимъ, когда она только что изъ невода, въ рукахъ трепещетъ—вкуснѣе нѣту...

Вошла молодая остячка, по прежнему полуприкрывая свое лицо, и, ставъ у очага, оправила свое платье съ божественной непринужденностью. Вслѣдъ за ней вошелъ ея мужъ и предложилъ

мнѣ черезъ Никифора купить у него пушнину, штукъ пятьдесятъ бѣлки.

— Я васъ обдорскимъ купцомъ назвалъ, вотъ они бѣлку и предлагаютъ,—объяснилъ мнѣ Никифоръ.

— Скажите, что я къ нимъ на обратномъ пути навѣдаюсь. Сейчасъ мнѣ ее съ собой возить не къ чему.

Мы напились чаю, покурили, и Никифоръ улегся на нары соснуть, пока подкормятся олени. Мнѣ тоже до смерти хотѣлось спать, но я боялся. что просплю до утра, и потому сѣлъ съ тетрадкой и карандашемъ у очага. Я сталъ набрасывать впечатлѣнія первыхъ сутокъ ѣзды. Какъ все идетъ просто и благополучно. Даже слишкомъ просто. Въ четыре часа утра я разбудилъ ямщиковъ, и мы выѣхали изъ Шоминскихъ юртъ.

— Вотъ у остяковъ и мужики и бабы косы носятъ, да съ лентами, да съ кольцами; вѣроятно, не чаще, чѣмъ разъ въ годъ они волосы заплетаютъ?

— Косы-то?—отвѣтилъ Никифоръ.—Косы они часто заплетаютъ. Они когда пьяны, всегда за косы тягаются. Пьютъ, пьютъ, потомъ другъ дружкѣ въ волосы вцѣпятся. Потомъ, который послабѣе, говоритъ: „отпусти“. Другой опуститъ. Потомъ опять вмѣстѣ пьютъ. Сердиться другъ на дружку не имѣютъ нужды: сердца у нихъ на это нѣту.

* * *

У Шоминскихъ юртъ мы въѣхали на Сосьву. Дорога идетъ то рѣкой, то лѣсомъ. Дуетъ рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ, и я лишь съ трудомъ могу дѣлать въ тетради свои замѣтки. Сейчасъ мы ѣдемъ открытымъ мѣстомъ: между березовой рощей и русломъ рѣки. Дорога убійственная. Вѣтеръ заноситъ на нашихъ глазахъ узкій слѣдъ, который оставляютъ за собою наши нарты. Третій олень ежеминутно оступается съ набитой колеи. Онъ тонетъ въ снѣгу по брюхо и глубже, дѣлаетъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ, взбирается снова на дорогу, тѣснитъ средняго оленя и сбиваетъ въ сторону вожака. Рѣкой и замерзшимъ болотомъ приходится ѣхать шагомъ. Въ довершеніе бѣды захромалъ нашъ вожакъ,—тотъ самый быкъ, которому нѣтъ равнаго. Волоча заднюю лѣвую ногу, онъ честно бѣжитъ по ужасной дорогѣ, и только низко опущенная голова и высунутый до земли языкъ, которымъ онъ жадно лижетъ на бѣгу снѣгъ, свидѣтельствуютъ объ его чрезмѣрныхъ усиліяхъ. Дорога сразу опустилась, и мы оказались межъ двухъ снѣжныхъ стѣнъ аршина въ полтора вышиною. Олени сбились въ кучу, и казалось, что крайніе несутъ на своихъ бокахъ средняго. Я замѣтилъ, что у вожака передняя нога въ крови.

— Я, однако, коновалъ мало-мало,—объяснилъ мнѣ Никифоръ, — кровь пускалъ ему, когда вы спали.

Онъ остановилъ оленей, вынулъ изъ-за пояса ножъ (у насъ такіе ножи называются финскими), подошелъ къ больному быку и, взявъ ножъ въ зубы, долго ощупывалъ больную ногу. „Не пойму, что за притча такая", сказалъ онъ недоумѣвая и сталъ ковырять ножемъ повыше копыта. Животное во время операціи лежало, поджавъ ноги, безъ звука, и затѣмъ печально лизало кровь на больной ногѣ. Пятна крови, рѣзко выдѣлявшіяся на снѣгу, обозначили мѣсто нашей стоянки. Я настоялъ на томъ, чтобъ въ мою кошеву запрягли оленей шоминскаго остяка, а наши пошли подъ легкія нарты. Бѣднаго хромого вожака привязали сзади. Отъ Шомы мы ѣдемъ около пяти часовъ, столько же придется еще проѣхать до Оурви,— и только тамъ можно будетъ смѣнить оленей у богатаго остяка, оленевода Семена Пантюй. Согласится ли онъ, однако, отпустить своихъ оленей въ такой далекій путь? Я разсуждаю объ этомъ съ Никифоромъ. Можетъ быть придется, говорю я ему, купить у Семена двѣ тройки. Ну что же? отвѣчаетъ Никифоръ: и купимъ! Мой способъ передвиженія производитъ на него такое же впечатлѣніе, какое на меня когда-то производило путешествіе Фолеаса Фога. Если помните, онъ покупалъ слоновъ, покупалъ пароходы и, когда не хватало топлива, бросалъ деревянную снасть въ жерло машины. При мысли о новыхъ затрудненіяхъ

и тратахъ Никифоръ, когда онъ во хмѣлю, т.-е. почти всегда, приходитъ въ азартъ. Онъ совершенно отождествляетъ себя со мною, хитро подмигиваетъ мнѣ и говоритъ: „Дорога намъ въ копѣечку войдетъ... Ну, да намъ наплевать... Намъ денегъ не жалко. Быки? Падетъ быкъ—купимъ новаго. Чтобъ я быковъ жалѣлъ—никогда: пока терпятъ—ѣдемъ. Го-го! Главное дѣло до мѣста доѣхать. Правильно я говорю?

— Правильно!

— Никифоръ не довезетъ, никто не довезетъ. Мой дядя Михаилъ Осиповичъ (добрый мужикъ!) говоритъ мнѣ: Никифоръ, ты везешь этого субъекта? Вези. Бери шесть быковъ изъ моего стада — вези. Даромъ бери. А ефрейторъ Сусликовъ говоритъ: Везешь? Вотъ тебѣ пять цѣлковыхъ.

— За что?—спрашиваю я Никифора.

— Чтобъ васъ увезъ.

— Будто за это? А ему-то что?

— Ей-Богу за это. Онъ братьевъ любитъ, онъ за нихъ горой стоитъ. Потому, будемъ говорить, за кого вы страдаете? За міръ, за бѣдняковъ. Вотъ тебѣ, говоритъ, Никифоръ, пять цѣлковыхъ—вези, благословляю. Въ мою, говоритъ, голову вези.

Дорога вступаетъ въ лѣсъ и сразу становится лучше: деревья охраняютъ ее отъ заносовъ. Солнце

ужъ высоко стоитъ на небѣ, въ лѣсу тихо, и мнѣ такъ тепло, что я снимаю гусь и остаюсь въ одномъ полушубкѣ. Шоминскій остякъ съ нашими оленями все время отстаетъ, и намъ приходится его поджидать. Со всѣхъ сторонъ насъ окружаетъ сосна. Огромныя деревья, безъ вѣтвей до самой вершины, ярко желтыя, прямыя, какъ свѣчи. Кажется, что ѣдешь старымъ прекраснымъ паркомъ. Тишина абсолютная. Изрѣдка только снимется съ мѣста пара бѣлыхъ куропатокъ, которыхъ не отличишь отъ снѣжныхъ кочекъ, и улетитъ глубже въ лѣсъ. Сосна рѣзко обрывается, дорога круто спускается къ рѣкѣ, мы опрокидываемся, оправляемся, пересѣкаемъ Сосьву и снова ѣдемъ по открытому мѣсту. Только рѣдкія малорослыя березки возвышаются надъ снѣгомъ. Должно быть, болотомъ ѣдемъ.

— А сколько верстъ мы проѣхали?—справляюсь я у Никифора.

— Да верстъ 300 надо быть. Только кто его знаетъ? Кто здѣшни версты мѣрялъ? Архангелъ Михаилъ, больше никто не мѣрялъ... Про наши версты давно сказано: мѣряла баба клюкой, да махнула рукой... Ну да ничего: дня черезъ три будемъ на заводахъ, только бы погода продержалась. А то бываетъ—ой-ой... Разъ меня подъ Ляпиномъ буранъ захватилъ: въ трое сутокъ я пять верстъ проѣхалъ.. Не дай Богъ!

Вотъ и Малыя Оурви: три-четыре жалкія юрты, изъ нихъ только одна жилая. Лѣтъ двадцать тому назадъ онѣ, вѣроятно, были заселены всѣ. Остяки вымираютъ въ ужасающей прогрессіи... Верстъ черезъ десять пріѣдемъ въ Большія Оурви. Застанемъ ли тамъ Семена Пантюя? Достанемъ ли у него оленей? На нашихъ ѣхать дальше нѣтъ никакой возможности...

* * *

... Неудача! Въ Оурви мы не застали мужиковъ: они съ оленями стоятъ въ чумѣ, на разстояніи двухъ оленьихъ побѣжекъ; приходится проѣхать нѣсколько верстъ назадъ и затѣмъ свернуть въ сторону. Если бъ мы остановились въ Малыхъ Оурви и развѣдали тамъ, мы сэкономили бы нѣсколько часовъ. Въ настроеніи, близкомъ къ отчаянію, я дожидался, пока бабы добывали намъ одного оленя на смѣну нашему захромавшему вожаку. Какъ всюду и вездѣ, оурвинскія бабы находились въ состояніи похмѣлья, и, когда я сталъ разворачивать съѣстные продукты, онѣ попросили водки. Разговариваю я съ ними черезъ Никифора, который съ одинаковой свободой говоритъ по-русски, по-зырянски и на двухъ остяцкихъ нарѣчіяхъ: верховомъ и низовомъ, почти несхожихъ между собою. Здѣшніе остяки по-русски не говорятъ ни слова. Впро-

чемъ, русскія ругательства цѣликомъ вошли въ остяцкій языкъ и наряду съ государственной водкой составляютъ наиболѣе несомнѣнный вкладъ государственно-руссификаторской культуры. Среди темныхъ звуковъ остяцкой рѣчи въ мѣстности, гдѣ не знаютъ русскаго слова *здравствуй*, вдругъ яркимъ метеоромъ сверкнетъ удалое отечественное слово, произносимое безъ всякаго акцента, съ превосходной отчетливостью.

Время отъ времени я угощаю остяковъ и остячекъ своими папиросами. Они курятъ ихъ съ почтительнымъ презрѣніемъ. Эти пасти, закаленныя спиртомъ, совершенно нечувствительны къ моей жалкой папиросѣ. Даже Никифоръ, уважающій всѣ продукты цивилизаціи, признался, что мои папиросы не заслуживаютъ вниманія. „Не въ коня овесъ“, пояснилъ онъ мнѣ свой приговоръ.

Мы ѣдемъ въ чумъ. Какая дичь и глушь кругомъ! Олени бродятъ по сугробамъ снѣга, путаются между деревьями въ первобытной чащѣ,— и я рѣшительно недоумѣваю, какъ ямщикъ опредѣляетъ дорогу. У него имѣется для этого какое-то особое чувство, какъ и у этихъ оленей, которые удивительнѣйшимъ образомъ лавируютъ своими рогами въ чащѣ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей. У новаго вожака, котораго намъ дали въ Оурви, огромные вѣтвистые рога, не менѣе пяти-

шести четвертей длиною. Дорога на каждомъ шагу перегорожена вѣтвями, и кажется, что олень вотъ-вотъ запутается въ нихъ своими рогами. Но онъ въ самую послѣднюю минуту дѣлаетъ еле замѣтное движеніе головой,—и ни одна игла не дрогнетъ на вѣткѣ отъ его прикосновенія. Я долго слѣдилъ неотрывающимся взглядомъ за этими маневрами, и они казались мнѣ безконечно таинственными, какими кажутся всякія проявленія инстинкта нашему резонирующему разуму.

* * *

Неудача и здѣсь! Старикъ-хозяинъ уѣхалъ съ работникомъ въ лѣтній чумъ, гдѣ осталась часть оленей. Ждутъ его съ часу на часъ, но когда именно онъ пріѣдетъ, неизвѣстно. А безъ него его сынъ, молодой парень съ разсѣченной пополамъ верхней губой, не рѣшается сговориться. Приходится ждать. Никифоръ отпустилъ оленей кормиться мохомъ, а для того, чтобы не смѣшать ихъ съ туземными оленями, провелъ нѣсколько разъ ножемъ по спинѣ обоихъ быковъ и оставилъ на шерсти свои иниціалы. Потомъ онъ на досугѣ поправилъ нашу кошеву, которая совсѣмъ растряслась дорогой. Съ отчаяньемъ въ душѣ я бродилъ по полянѣ, потомъ вошелъ въ чумъ. На колѣняхъ у молодой остячки сидѣлъ совершенно голый мальчикъ лѣтъ трехъ-четырехъ; мать

одѣвала его. Какъ они живутъ съ дѣтьми въ этихъ шалашахъ при сорока и пятидесятиградусныхъ морозахъ? „Ночью ничего,—объяснялъ мнѣ Никифоръ, — зароешься въ мѣха и спишь. Я и самъ вѣдь не одну зиму въ чумахъ прожилъ. Остякъ, такъ тотъ голымъ на ночь раздѣнется, да въ малицу такъ и влѣзетъ. Спать ничего, вставать худо. Отъ дыханія вся одежа закуржуетъ, хоть топоромъ руби... Вставать худо". Молодая остячка завернула мальчика подоломъ своей малицы и приложила его къ груди. Здѣсь кормятъ дѣтей грудью до пяти-шести лѣтъ.

Я вскипятилъ на очагѣ воду. Не успѣлъ я оглянуться, какъ Никифоръ насыпалъ себѣ на ладонь (Господи, что это за ладонь!) чаю изъ моей коробки и всыпалъ въ чайникъ. У меня не хватило мужества сдѣлать ему замѣчаніе, и теперь придется пить чай, побывавшій на ладони, которая видѣла многое, но давно не видѣла мыла...

Остячка накормила мальчика, умыла его, потомъ вытерла тонкими древесными стружками, одѣла и отпустила изъ чума. Я удивлялся той нѣжности, какую она проявляла къ ребенку. Теперь она сидитъ за работой: шьетъ малицу изъ оленьихъ шкуръ оленьими жилами. Работа не только прочная, но и несомнѣнно изящная. Весь бортъ украшенъ узорами изъ кусочковъ бѣлаго и темнаго оленьяго мѣха. Въ каждый шовъ про-

пущена полоска красной ткани. На всѣхъ членахъ семьи пимы, малицы, гуси домашней женской работы. Сколько тутъ положено адскаго труда!

Старшій сынъ лежитъ въ углу чума больной третій годъ. Онъ достаетъ, гдѣ можетъ, лѣкарства, принимаетъ ихъ въ огромномъ количествѣ и живетъ зиму въ чумѣ подъ открытымъ небомъ. У больного на рѣдкость осмысленное лицо: страданіе провело на немъ черты, похожія на слѣды мысли... Я вспоминаю, что именно здѣсь, у этихъ самыхъ оурвинскихъ остяковъ умеръ мѣсяцъ тому назадъ молодой березовскій купецъ Добровольскій, пріѣхавшій за пушниной. Онъ пролежалъ тутъ нѣсколько дней, въ жару, безъ всякой помощи...

У старика Пантюя, котораго мы дожидаемся, около пятисотъ оленей. Онъ на всю округу извѣстенъ своимъ богатствомъ. Олень—это все: онъ кормитъ, одѣваетъ, возитъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ олень стоилъ 6 — 8 рублей, а теперь 10—15: Никифоръ объясняетъ это непрерывными эпидеміями, которыя уносятъ оленей сотнями.

* * *

Сумерки все больше сгущаются. Ясно, что никто ужъ не станетъ къ ночи ловить оленей, но не хочется сдавать послѣднюю надежду, и я жду старика съ такимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ

его, можетъ быть, никто не ждалъ въ теченіе всей его долгой жизни. Было уже совсѣмъ темно, когда онъ, наконецъ, пріѣхалъ съ работниками. Хозяинъ вошелъ въ чумъ, чинно поздоровался съ нами и усѣлся у очага. Его лицо, умное и властное, поразило меня. Очевидно, пятьсотъ оленей, которыми онъ владѣетъ, позволяютъ ему чувствовать себя королемъ отъ головы до пятъ.

— Скажите ему!—подталкивалъ я Никифора,— что жъ время терять?

— Погодите, сейчасъ еще нельзя: ужинать сядутъ.

Вошелъ работникъ, рослый, плечистый мужикъ, гнусаво поздоровался, перемѣнилъ въ углу промокшіе обутки и подвинулся къ костру. Что за ужасная физіономія! Носъ совершенно исчезъ съ этого несчастнаго лица, верхняя губа высоко поднята, ротъ всегда полуоткрытъ и обнажаетъ могучіе бѣлые зубы. Я въ ужасѣ отвернулся.

— Можетъ быть, время поднести имъ спирту?— спросилъ я Никифора съ уваженіемъ къ его авторитету.

— Самое время!—отвѣтилъ Никифоръ.

Я досталъ бутылку. Невѣстка, которая съ приходомъ старика начала прикрывать свое лицо, зажгла у костра кусокъ бересты и, пользуясь ею, какъ лучиной, разыскала въ сундукѣ металлическую чарку. Никифоръ вытеръ чарку подоломъ

своей рубахи и налилъ до краевъ. Первая порція была поднесена старику. Никифоръ объяснилъ ему, что это спиртъ. Тотъ важно кивнулъ головой и молча выпилъ большую чарку спирта въ 95°; ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. Потомъ пилъ младшій сынъ, съ разсѣченной верхней губой. Онъ выпилъ черезъ силу, сморщилъ свое жалкое лицо и долго плевалъ въ костеръ. Потомъ выпилъ работникъ и долго качалъ головой изъ стороны въ сторону. Потомъ дали больному; тотъ не допилъ и вернулъ рюмку. Никифоръ выплеснулъ остатки въ костеръ, чтобъ показать, какимъ продуктомъ онъ угощаетъ: спиртъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ.

— Таакъ *),—сказалъ спокойно старикъ.

— Таакъ,—повторилъ сынъ, выпуская изо рта струю слюны.

— Сака таакъ **),—подтвердилъ работникъ.

Потомъ выпилъ Никифоръ и тоже нашелъ, что слишкомъ крѣпко. Разбавили спиртъ чаемъ, Никифоръ заткнулъ горлышко пальцемъ и помахалъ въ воздухѣ бутылкой. Всѣ еще разъ выпили. Потомъ еще разъ разбавили и еще выпили. Наконецъ, Никифоръ принялся излагать, въ чемъ дѣло.

---

*) Крѣпкій.

**) Очень крѣпкій.

— Сака хоза,—сказалъ старикъ.

— Хоза, сака хоза,—повторили за нимъ всѣ хоромъ.

— Что говорятъ?—спросилъ я нетерпѣливо Никифора.

— Говорятъ: очень далеко... Тридцать рублей проситъ до заводовъ на проходъ.

— А сколько возьметъ до Няксимволи?

Никифоръ что-то проворчалъ съ явнымъ неудовольствіемъ, причины котораго я понялъ только впослѣдствіи, но все же поговорилъ со старикомъ и отвѣтилъ мнѣ: до Няксимволи—13 рублей, до заводовъ—30.

— А когда ловить оленей?

— Чуть свѣтъ.

— А сейчасъ никакъ нельзя?

Никифоръ съ ироническимъ видомъ перевелъ имъ мой вопросъ. Всѣ засмѣялись и отрицательно покачали головами. Я понялъ, что ночевка неизбѣжна, и выбрался изъ чума на свѣжій воздухъ. Тихо и тепло. Я побродилъ съ полчаса по полянѣ и затѣмъ улегся спать въ кошевѣ.

Въ полушубкѣ и въ гусѣ я лежалъ какъ бы въ мѣховой берлогѣ. Надъ чумомъ кругъ воздуха окрашенъ огнемъ догорающаго очага. Вокругъ стояла абсолютная тишина. Въ вышинѣ ярко и отчетливо висѣли звѣзды. Деревья стояли неподвижно. Запахъ оленьяго мѣха, опрѣвшій отъ

дыханія, слегка душилъ меня, но мѣхъ пріятно согрѣвалъ, безмолвіе ночи гипнотизировало, и я уснулъ съ твердымъ намѣреніемъ чуть свѣтъ поднять на ноги мужиковъ и какъ можно раньше выѣхать. Сколько времени потеряно—ужасъ!

* * *

Нѣсколько разъ я просыпался въ тревогѣ, но кругомъ стояла тьма. Въ началѣ пятаго, когда часть неба просвѣтлѣла, я пробрался въ чумъ, ощупалъ среди другихъ тѣлъ Никифора и растормошилъ его. Онъ поднялъ на ноги весь чумъ. Очевидно, лѣсная жизнь въ морозныя зимы не проходитъ этимъ людямъ даромъ: проснувшись, они такъ долго кашляли, отхаркивались и плевали на полъ, что я не выдержалъ этой сцены и выбрался на свѣжій воздухъ. У входа въ чумъ мальчикъ лѣтъ десяти лилъ изо рта воду на грязныя руки и затѣмъ размазывалъ ее по грязному лицу; окончивъ эту операцію, онъ старательно вытерся пучкомъ древесныхъ стружекъ.

Вскорѣ безносый работникъ и младшій сынъ съ разсѣченной губой ушли на лыжахъ съ собаками сгонять оленей къ чуму. Но прошло добрыхъ полчаса, прежде чѣмъ изъ лѣсу появилась первая группа оленей.

— Должно быть, пошевелили,—объяснилъ мнѣ Никифоръ,—теперь все стадо скоро здѣсь будетъ.

Но оказалось не такъ. Только часа черезъ два собралось довольно много оленей. Они тихо бродили вокругъ чума, рыли мордами снѣгъ, собирались въ группы, ложились. Солнце уже поднялось надъ лѣсомъ и освѣщало снѣжную поляну, на которой стоитъ чумъ. Силуэты оленей, большихъ и малыхъ, темныхъ и бѣлыхъ, съ рогами и безъ роговъ, рѣзко вырисовываются на фонѣ снѣга. Удивительная картина, которая кажется фантастической и которой никогда не забудешь. Оленей охраняютъ собаки. Маленькое лохматое животное набрасывается на группу оленей головъ въ пятьдесятъ, какъ только тѣ отдалятся отъ чума,—и олени въ бѣшеномъ страхѣ мчатся назадъ, на поляну.

Но даже эта картина не могла прогнать мысли о потерянномъ времени. День открытія Государственной Думы—двадцатое февраля—былъ для меня несчастнымъ днемъ. Я дожидаюсь полнаго сбора оленей въ лихорадочномъ нетерпѣніи. Сейчасъ уже десятый часъ, а стадо далеко еще не согнано. Потеряли здѣсь сутки: теперь уже ясно, что раньше 11—12 ч. выѣхать не удастся, да до Оурви отсюда еще верстъ 20—30 по плохой дорогѣ. При неблагопріятной комбинаціи обстоятельствъ меня могутъ сегодня нагнать. Если допустить, что на другой же день полиція хватилась, и отъ кого-либо изъ безчисленныхъ собу-

тыльниковъ Никифора узнала, по какому пути онъ поѣхалъ, она могла еще 19-го въ ночь нарядить погоню. Мы едва отъѣхали 300 верстъ. Такое разстояніе можно сдѣлать въ сутки-полторы. Слѣдовательно, мы какъ разъ дали непріятелю достаточно времени, чтобъ догнать насъ. Эта задержка можетъ стать роковой.

Я начинаю придираться къ Никифору. Вѣдь я говорилъ вчера, что нужно немедленно съѣздить за старикомъ, а не ждать. Можно было ему накинуть нѣсколько лишнихъ рублей, только бы выѣхать съ вечера. Конечно, если бъ я самъ говорилъ по-остяцки, я бы все это устроилъ. Но потому-то я и ѣду съ Никифоромъ, что не говорю по-остяцки... и т. д.

Никифоръ угрюмо смотритъ мимо меня.

— Что жъ ты съ ими подѣлаешь, когда не хотятъ? И олень у нихъ раскормленный, балованный,—какъ ты его ночью поймаешь? Ну, да ничего,—говоритъ онъ, поворачиваясь ко мнѣ:—доѣдемъ!

— Доѣдемъ?

— Доѣдемъ!

Мнѣ тоже начинаетъ сразу казаться, что *ничего*, что *доѣдемъ*. Тѣмъ болѣе, что ужъ вся поляна сплошь покрыта оленями, а изъ лѣсу показываются на лыжахъ остяки.

* * *

— Сейчасъ будутъ имать оленей,—говоритъ Никифоръ.

Я вижу, какъ остяки берутъ въ руки по аркану. Старикъ-хозяинъ медлительно собираетъ петли на лѣвой рукѣ. Потомъ всѣ они долго перекрикиваются о чемъ-то. Очевидно, уславливаются, вырабатываютъ планъ дѣйствій и намѣчаютъ первую жертву. Никифоръ тоже посвященъ въ заговоръ. Онъ всполошилъ какую то группу оленей и погналъ ее въ широкій промежутокъ между старикомъ и сыномъ. Работникъ стоитъ дальше. Испуганные олени мчатся сплошной массой. Цѣлый ручей головъ и роговъ. Остяки зорко слѣдятъ за какой-то точкой въ этомъ потокѣ. Разъ! Старикъ бросилъ свой арканъ и недовольно покачалъ головой. Разъ! Молодой остякъ тоже промахнулся. Но вотъ безносый работникъ, который на открытомъ мѣстѣ, среди оленей, внушилъ мнѣ сразу уваженіе своимъ стихійно-увѣреннымъ видомъ, метнулъ арканъ, и уже по движенію его руки видно было, что онъ не промахнется. Олени шарахнулись отъ веревки, но бѣлый большой олень съ бревномъ на шеѣ, сдѣлавъ два-три прыжка, остановился и завертѣлся на мѣстѣ: петля опутала его вокругъ шеи и роговъ.

Никифоръ объяснилъ мнѣ, что это поймали самаго хитраго оленя, который мутитъ все стадо

и уводитъ его въ самый нужный моментъ. Теперь бѣлаго бунтаря привяжутъ, и дѣло пойдетъ лучше. Остяки стали снова собирать свои арканы, наматывая ихъ на лѣвую руку. Потомъ перекрикивались, вырабатывая новый планъ дѣйствій. Безкорыстный азартъ охоты овладѣлъ и мною. Я узналъ отъ Никифора, что теперь хотятъ поймать вонъ ту широкую важенку съ короткими рогами, и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Мы погнали съ двухъ сторонъ группу оленей въ ту сторону, гдѣ насторожѣ стояло три аркана. Но важенка, очевидно, знала, что ждетъ ее. Она сразу бросилась въ сторону и ушла бы совсѣмъ въ лѣсъ, если бъ ее не переняли собаки. Пришлось снова предпринять рядъ обходныхъ движеній. Побѣдителемъ оказался и на этотъ разъ работникъ, который улучилъ моментъ и набросилъ хитрой важенкѣ петлю на шею.

— Эта важенка неплодная,—объяснилъ мнѣ Никифоръ,—телятъ не носитъ, поэтому въ работѣ очень крѣпка.

Охота становилась интересной, хотя и затягивалась. Послѣ важенки поймали сразу въ два аркана огромнаго оленя, который походилъ на подлиннаго быка. Затѣмъ произошелъ перерывъ: группа нужныхъ оленей вырвалась изъ круга и ушла въ лѣсъ. Снова работникъ съ младшимъ сыномъ ушли на лыжахъ въ лѣсъ, и мы ждали

ихъ около получаса. Подъ конецъ охота пошла успѣшнѣе, и общими силами поймали тринадцать оленей: семь—намъ съ Никифоромъ въ дорогу и шесть штукъ — хозяевамъ. Около одиннадцати часовъ мы выѣхали, наконецъ, на четырехъ тройкахъ изъ чума по направленію къ Оурвѣ. „На заводы" съ нами поѣдетъ работникъ. Сзади его нарты привязанъ седьмой, запасный олень.

* * *

Захромавшій быкъ, котораго мы, уѣзжая въ чумъ, оставили въ оурвинскихъ юртахъ, такъ и не поправился. Онъ печально лежалъ на снѣгу и дался въ руки безъ аркана. Никифоръ еще разъ пустилъ ему кровь—такъ же безцѣльно, какъ и прежде. Остяки стали увѣрять, что олень вывихнулъ себѣ ногу. Никифоръ постоялъ надъ нимъ въ недоумѣніи и затѣмъ продалъ его на мясо одному изъ здѣшнихъ хозяевъ за восемь рублей. Тотъ потащилъ бѣднаго оленя на веревкѣ. Такъ печально кончилась судьба оленя, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ. Любопытно, что Никифоръ продалъ оленя, не справившись о моемъ согласіи. По нашему уговору, быки поступали въ его собственность лишь послѣ благополучнаго прибытія на мѣсто. Мнѣ очень не хотѣлось отдавать оленя, сослужившаго мнѣ такую цѣнную службу, подъ ножъ. Но протестовать я не рѣшился... Совер-

шивъ свою торговую операцію и укладывая деньги въ кошелекъ, Никифоръ обернулся ко мнѣ и сказалъ: „Вотъ и получилъ двѣнадцать рублей чистаго убытку". Чудакъ! Онъ забылъ, что оленей покупалъ я, и что они, по его увѣренію, должны были доставить меня на мѣсто. А между тѣмъ, я проѣхалъ на нихъ какихъ-нибудь 300 верстъ и нанялъ другихъ.

Сегодня такъ тепло, что снѣгъ подтаиваетъ. Снѣгъ размякъ и мокрыми комьями летитъ изъподъ копытъ во всѣ стороны. Оленямъ тяжело. Вожакомъ у насъ идетъ однорогій быкъ довольно скромнаго вида. Справа — безплодная важенка, усердно перебирающая ногами. Между ними— жирный малорослый олень, впервые узнавшій сегодня, что такое упряжка. Подъ конвоемъ слѣва и справа онъ честно выполняетъ свои обязанности. Остякъ ведетъ впереди нарты съ моими вещами. Поверхъ малицы онъ надѣлъ ярко-красный балахонъ и на фонѣ бѣлаго снѣга, сѣраго лѣса, сѣрыхъ оленей и сѣраго неба онъ выдѣляется, какъ нелѣпое и въ то же время необходимое пятно.

Дорога такъ тяжела, что на переднихъ нартахъ дважды обрывались постромки: при каждой остановкѣ полозья примерзаютъ къ дорогѣ и нарты трудно сдвинуть съ мѣста. Послѣ первыхъ двухъ побѣжекъ олени уже замѣтно устали.

— Остановимся ли мы въ Нильдинскихъ юртахъ чай пить?—спросилъ меня Никифоръ.— Слѣдующія юрты далече.

Я видѣлъ, что ямщикамъ хочется чаю, но мнѣ жалко было терять время, особенно послѣ того, какъ мы сутки простояли въ Оурви. Я далъ отрицательный отвѣтъ.

— Ваша воля,—отвѣтилъ Никифоръ и сердито ткнулъ шестомъ безплодную важенку.

* * *

Молча мы проѣхали еще верстъ сорокъ: когда Никифоръ трезвъ, онъ угрюмъ и молчаливъ. Стало холоднѣе, и дорога подмерзала и все улучшалась. Въ Санги-туръ-пауль мы рѣшили остановиться. Юрта здѣсь на диво: есть скамейки, есть столъ, покрытый клеенкой. За ужиномъ Никифоръ перевелъ мнѣ часть разговора безносаго ямщика съ бабами, прислуживавшими намъ, и я услышалъ любопытныя вещи. Мѣсяца три тому назадъ у этого остяка повѣсилась жена. И на чемъ? Чортъ знаетъ на чемъ, сообщалъ мнѣ Никифоръ, на тоненькой старой мочальной веревочкѣ, повѣсилась „сижа" (сидя), привязавъ одинъ конецъ къ суку. Мужъ былъ въ лѣсу, бѣлку промышлялъ вмѣстѣ съ другими остяками. Пріѣзжаетъ десятскій, тоже остякъ, зоветъ въ юрты: жена захворала шибко („значитъ, и у нихъ не

сразу объявляютъ", мелькаетъ у меня въ головѣ). Но мужъ отвѣтилъ: „Развѣ-жъ тамъ некому огонь въ очагѣ развести,—на то съ ней мать живетъ,—а я чѣмъ могу помочь?" Но десятскій настоялъ, мужъ пріѣхалъ въ юрты, а жена ужъ „поспѣла". Это у него вторая жена уже, закончилъ Никифоръ.

— Какъ? и та повѣсилась?

— Нѣтъ, та своей смертью померла, отъ хворости, какъ слѣдуетъ...

Оказалось, что двое хорошенькихъ ребятъ, съ которыми, къ великому моему ужасу, цѣловался въ губы нашъ остякъ при отъѣздѣ изъ Оурви, его дѣти отъ первой жены. Со второй онъ прожилъ около двухъ лѣтъ.

— Можетъ ее силой выдали за этакого? спросилъ я. Никифоръ навелъ справку.

— Нѣтъ, говоритъ, сама къ нему пошла. Потомъ онъ ея старикамъ 30 рублей калыму далъ и жилъ съ ними вмѣстѣ. А по какой причинѣ удавилась, неизвѣстно.

— У нихъ это, должно быть, очень рѣдко бываетъ?—спросилъ я.

— Что не своей смертью помираютъ? У остяковъ это частенько бываетъ. Лѣтось у насъ тоже одинъ остякъ изъ ружья убился.

— Какъ? нарочно?

— Нѣ, нечаянно... А то еще у насъ въ уѣздѣ

полицейскій писарь застрѣлился. Да гдѣ? На полицейской каланчѣ. Взлѣзъ на самый верхъ: вотъ вамъ, говоритъ, сукины сыны!—и застрѣлился.

— Остякъ?

— Нѣ... Молодцоватовъ—русскій субъектъ... Никита Митрофановичъ.

* ■ *

Когда мы выѣхали изъ Санги-турскихъ юртъ, было ужъ темно. Оттепель давно прекратилась, хотя было все же очень тепло. Дорога установилась прекрасная, мягкая, но не топкая,—самая дѣльная дорога, какъ говоритъ Никифоръ. Олени ступали чуть слышно и тянули нарты шутя. Въ концѣ концовъ пришлось отпречь третьяго и привязать сзади, потому что отъ бездѣлья олени шарахались въ сторону и могли разбить кошеву. Нарты скользили ровно и безшумно, какъ лодка по зеркальному пруду. Въ густыхъ сумеркахъ лѣсъ казался еще болѣе гигантскимъ. Дороги я совершенно не видѣлъ, передвиженіе нартъ почти не ощущалъ. Казалось, заколдованныя деревья быстро мчались на насъ, кусты убѣгали въ сторону, старые пни, покрытые снѣгомъ, рядомъ со стройными березками проносились мимо насъ. Все казалось полнымъ тайны. Чу-чу-чу-чу... слышалось частое и ровное дыханіе оленей въ безмолвіи лѣсной ночи. И въ рамкахъ этого рит-

ма въ головѣ всплывали тысячи забытыхъ звуковъ. Вдругъ въ глубинѣ этого темнаго лѣса свистъ. Онъ кажется таинственнымъ и безконечно далекимъ. А между тѣмъ это остякъ развлекъ своихъ оленей въ пяти шагахъ отъ меня. Потомъ снова тишина, снова далекій свистъ, и деревья безшумно мчатся изъ мрака въ мракъ.

Въ полудремотѣ мною начинаетъ овладѣвать тревожная мысль. По обстановкѣ моей поѣздки остяки должны меня принимать за богатаго купца. Глухой лѣсъ, темная ночь, на 50 верстъ вокругъ ни человѣка, ни собаки. Что ихъ можетъ остановить? Хорошо еще, что у меня есть револьверъ. Но вѣдь этотъ револьверъ запертъ въ саквояжѣ, а саквояжъ увязанъ на нартахъ ямщика,—того самаго безносаго остяка, который мнѣ въ данную минуту начинаетъ почему-то казаться особенно подозрительнымъ. Непремѣнно нужно будетъ, рѣшаю я, извлечь на стоянкѣ револьверъ изъ саквояжа и положить рядомъ съ собою.

Удивительное существо этотъ нашъ ямщикъ въ красной мантіи! Повидимому, отсутствіе носа не повліяло на его обоняніе: кажется, будто онъ чутьемъ опредѣляетъ мѣсто и находитъ дорогу. Онъ знаетъ каждый кустъ и чувствуетъ себя въ лѣсу, какъ въ юртѣ. Вотъ онъ что-то сказалъ Никифору: оказывается, здѣсь подъ снѣгомъ долженъ быть мохъ, значитъ, можно покормить оле-

ней. Мы остановились и выпрягли оленей. Было часа три ночи.

Никифоръ объяснилъ мнѣ, что ихъ, зырянскіе, олени хитрые, и что сколько онъ, Никифоръ, ни ѣздилъ, никогда не отпускалъ ихъ кормиться вольно, а всегда кормилъ на привязи. Отпустить оленя легко,—а если потомъ не поймаешь? Но остякъ держался другихъ взглядовъ и рѣшилъ отпустить своихъ оленей на честное слово. Такое благородство подкупало, но я съ сомнѣніемъ всматривался въ оленьи морды. Что, если имъ покажется болѣе привлекательнымъ тотъ мохъ, который растетъ въ окрестностяхъ оурвинскаго чума? Это было бы поистинѣ печально. Впрочемъ, прежде чѣмъ отпустить оленей на чисто-моральныхъ основаніяхъ, ямщики срубили двѣ высокія сосны и разрубили ихъ на семъ бревенъ, аршина полтора каждое. Бревна эти были въ качествѣ сдерживающаго начала подвѣшены на шею каждому оленю въ отдѣльности. Надо надѣяться, что эти брелоки не окажутся слишкомъ легкими...

Отпустивъ оленей, Никифоръ нарубилъ дровъ, обтопталъ вблизи дороги кругъ въ снѣгу и разложилъ въ углубленіи костеръ, а вокругъ него настлалъ еловыхъ вѣтвей и устроилъ помостъ для сидѣнья. На двухъ сырыхъ вѣткахъ, воткнутыхъ въ снѣгъ, мы повѣсили два котелка и набивали ихъ снѣгомъ, по мѣрѣ того, какъ онъ

таялъ... Чаепитіе у костра на февральскомъ снѣгу показалось бы мнѣ, вѣроятно, гораздо менѣе привлекательнымъ, еслибъ хватилъ морозъ градусовъ въ 40—50. Но небо удивительно покровительствовало мнѣ: стояла тихая и теплая погода.

Боясь проспать, я не легъ вмѣстѣ съ ямщиками. Около двухъ часовъ просидѣлъ я у костра, поддерживая въ немъ огонь и записывая при его мерцающемъ свѣтѣ свои путевыя впечатлѣнія.

* * *

Чуть свѣтъ я разбудилъ ямщиковъ. Оленей поймали безъ всякихъ затрудненій. Пока ихъ привели и запрягли, стало совсѣмъ свѣтло, и все приняло совершенно прозаическій видъ. Сосны уменьшились въ объемѣ. Березы не мчались намъ навстрѣчу. У остяка былъ заспанный видъ, и мои ночныя подозрѣнія разсѣялись, какъ дымъ. Заодно я вспомнилъ, что въ древнемъ револьверѣ, который я добылъ передъ отъѣздомъ, только два патрона, и что меня убѣдительно просили не стрѣлять изъ него во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Револьверъ такъ и остался въ саквояжѣ.

Пошелъ сплошной лѣсъ: сосна, ель, береза, могучая лиственница, кедръ, а надъ рѣкой—талъ и гибкій чернотал. Дорога хороша. Олени бѣгутъ ровно, но безъ рѣзвости. На переднихъ нартахъ остякъ понурилъ голову и поетъ свою унылую пѣсню, въ которой только четыре ноты.

Можетъ быть онъ вспоминаетъ старую мочальную веревку, на которой повѣсилась его вторая жена. Лѣсъ, лѣсъ... Однообразный на неизмѣримомъ пространствѣ и въ то же время безконечно разнообразный въ своихъ внутреннихъ сочетаніяхъ. Вотъ черезъ всю дорогу перекинулась подгнившая сосна. Огромная, она во всю длину покрыта снѣжнымъ саваномъ, который нависаетъ надъ нашими головами. А вотъ здѣсь, очевидно, прошлой осенью, горѣлъ лѣсъ, Сухіе прямые стволы безъ коры и безъ вѣтвей стоятъ, какъ безсмысленно натыканные телеграфные столбы или какъ неокрыленныя парусами мачты замерзшей гавани. Нѣсколько верстъ мы ѣдемъ пожарищемъ. Потомъ пошла сплошная ель, вѣтвистая, темная, частая. Старые гиганты тѣснятъ другъ друга, вершины ихъ смыкаются въ высотѣ и не даютъ доступа солнечнымъ лучамъ. Вѣтви затканы какими-то зелеными нитями, точно покрыты грубой паутиной. И олени и люди становятся меньше среди этихъ вѣковыхъ елей. Потомъ дерево сразу пошло мельче и на снѣжную поляну разсыпнымъ строемъ выбѣжали сотни молодыхъ елокъ и застыли въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Вдругъ за поворотомъ дороги нашъ поѣздъ едва не наскочилъ на маленькія нарты съ дровами, запряженныя тремя собаками и дѣвочкой-остячкой. Сбоку шелъ мальчикъ лѣтъ пяти. Очень красивыя дѣти.

У остяковъ, какъ я замѣтилъ, вообще нерѣдки миловидныя дѣти. Но отчего же такъ безобразны взрослые?

Лѣсъ и лѣсъ... Вотъ снова пожарище, повидимому, старое: среди обгорѣлыхъ стволовъ идетъ въ гору молодая поросль.—Отчего загораются лѣса? отъ костровъ?—Какіе тутъ костры? отвѣчаетъ Никифоръ, тутъ и души живой лѣтомъ не бываетъ: лѣтомъ дорога рѣкой идетъ. Отъ тучи лѣса загораются. Ударитъ туча и зажжетъ. А то еще дерево о дерево трется, пока не загорится: качаетъ ихъ вѣтеръ, а лѣтомъ дерево сухое. Тушить? Кому тутъ тушить? Вѣтеръ огонь разноситъ, вѣтеръ и тушитъ. Клей сверху обгоритъ, кора облупится, хвоя обгоритъ, а стволъ останется. Года черезъ два корень высохнетъ, и стволъ свалится...

Много тутъ голыхъ стволовъ, вотъ-вотъ готовыхъ упасть. Иной держится на тонкихъ вѣтвяхъ сосѣдней ели. А этотъ совсѣмъ ужъ было падалъ на дорогу, но задержался, богъ вѣсть какъ, аршина на три вершиной отъ земли. Нужно наклониться, чтобъ не расшибить головы. Снова полоса могучихъ елей тянется въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, затѣмъ внезапно открывается просѣка на рѣчку.

— По такимъ просѣкамъ весной хорошо утокъ ловить. Птица весной сверху внизъ летитъ. Вотъ по заходѣ солнца на такой просѣкѣ натя-

гиваешь сѣть—отъ дерева и до дерева, до самаго верху. Большая такая сѣть, что твой неводъ. Самъ тутъ же подъ деревомъ лежишь. Утка стаей летитъ на просѣку и въ сумерки вся такъ стаей въ сѣть и вобьется. Тогда за веревочку дернешь, сѣть упадетъ и всю добычу накроетъ. Штукъ до 50 можно такъ сразу взять. Только успѣвай закусывать.

— Какъ—закусывать?

— Убить-то ее надо вѣдь, чтобъ не разлетѣлась? Вотъ и закусываешь ей зубами головку сверху—только поспѣвай... кровь по губамъ такъ и течетъ... Конечно, и палкой тоже можно бить ее, только зубами вѣрнѣе...

Сперва олени, какъ и остяки, казались мнѣ всѣ на одно лицо. Но вскорѣ я убѣдился, что каждый изъ семи оленей имѣетъ свою физіономію, и я научился ее различать. Временами я чувствую нѣжность къ этимъ удивительнымъ животнымъ, которыя уже приблизили меня на пятьсотъ верстъ къ желѣзной дорогѣ.

Спиртъ у насъ весь вышелъ, Никифоръ трезвъ и угрюмъ. Остякъ поетъ свою пѣсню о мочальной веревкѣ. Минутами мнѣ невыразимо странно думать, что это я, именно я, а не кто другой, затерялся среди этихъ необъятныхъ пустынныхъ пространствъ. Эти двѣ нарты, эти семь оленей и эти два человѣка—все это движется впередъ ради

меня. Два человѣка, взрослыхъ, семейныхъ, оставили свои дома и переносятъ всѣ трудности этого пути, потому что это нужно кому-то третьему, чужому и чуждому имъ обоимъ.

Такія отношенія имѣются всюду и вездѣ. Но нигдѣ они, пожалуй, не могутъ такъ поразить воображеніе, какъ здѣсь, въ тайгѣ, гдѣ они выступаютъ въ такой грубой обнаженной формѣ...

* * *

Послѣ ночной кормежки оленей мы проѣхали мимо Сарадейскихъ и Менкъ-я-паульскихъ юртъ. Только въ Ханглазскихъ мы сдѣлали привалъ. Здѣсь народъ, пожалуй, еще диче, чѣмъ въ другихъ юртахъ. Все имъ въ диковинку. Мои столовыя принадлежности, мои ножницы, мои чулки, одѣяло въ кошевѣ, все вызывало восторгъ изумленія. При видѣ каждой новой вещи всѣ крякали. Для справки я развернулъ предъ собою карту Тобольской губерніи и прочиталъ вслухъ имена всѣхъ сосѣднихъ юртъ и рѣчекъ. Они слушали, разиня рты, и когда я кончилъ, хоромъ заявили, какъ перевелъ Никифоръ, что все совершенно вѣрно. У меня не оказалось мелочи и въ благодарность за кровъ и очагъ я далъ всѣмъ мужчинамъ и бабамъ по три папиросы и по конфетѣ. Всѣ были довольны. Старушка-остячка, менѣе безобразная, чѣмъ другіе, и очень бойкая,

буквально влюбилась въ меня, т. е. собственно во всѣ мои вещи. И по улыбкѣ ея видно было, что чувство ея—совершенно безкорыстное восхищеніе явленіями другого міра. Она помогла мнѣ укрыть ноги одѣяломъ, послѣ чего мы съ ней очень мило простились за руки, и каждый сказалъ нѣсколько пріятныхъ словъ на своемъ языкѣ.

— А скоро Дума соберется? спрашиваетъ меня неожиданно Никифоръ.

— Да вотъ ужъ третьяго дня собралась...

— Ага... Что-то она теперь скажетъ? Надо бы *ихъ*, надо бы урезонить, ѣдятъ ихъ мухи. Нашего брата вовсе прижучили. Мука, напримѣръ, была рубль пятьдесятъ копеекъ, а теперь вотъ, остякъ говорилъ, рубль восемьдесятъ стала. Какъ жить при этакихъ цѣнахъ? А насъ, зырянъ, пуще тѣснятъ: соломы возъ привезъ,—плати, дровъ сажень поставилъ—плати. Русскіе и остяки говорятъ: „земля наша“. Думѣ бы надо въ это дѣло вступиться. Урядникъ-то у насъ ничего—маховой человѣкъ, а вотъ приставъ не подъ нашу лапу.

— Не очень-то Думѣ дадутъ вступиться: разгонятъ.

— Вотъ то-то и есть, что разгонятъ, подтвердилъ Никифоръ и прибавилъ при этомъ нѣсколько сильныхъ словъ, энергіи которыхъ могъ бы позавидовать бывшій Саратовскій губернаторъ Столыпинъ.

* * *

Въ Няксимвольскія юрты мы пріѣхали ночью. Оленей здѣсь смѣнить можно, и я рѣшилъ это сдѣлать, несмотря на оппозицію Никифора. Онъ все время настаивалъ, чтобъ намъ ѣхать на оурвинскихъ оленяхъ „на проходъ", безъ смѣны, приводя самые несообразные аргументы и чиня мнѣ всякія препятствія при переговорахъ. Я долго дивился его поведенію, пока не понялъ, что онъ заботится объ обратномъ пути: на оурвинскихъ оленяхъ онъ вернется обратно въ чумъ, гдѣ оставилъ своихъ. Но я не сдался, и за 18 рублей мы наняли свѣжихъ оленей до Никито-Ивдельскаго, большого золотопромышленнаго села подъ Ураломъ. Это послѣдній пунктъ „оленнаго" тракта. Оттуда до желѣзной дороги придется еще верстъ полтораста проѣхать на лошадяхъ. Отъ Няксимволи до Ивделя считается 250 верстъ—сутки хорошей ѣзды.

Здѣсь повторилась та же исторія, что въ Оурви: ночью ловить оленей невозможно; пришлось заночевать.

Остановились мы въ бѣдной зырянской избѣ. Хозяинъ служилъ раньше приказчикомъ у купца, но не поладилъ и теперь сидитъ безъ мѣста и безъ работы. Онъ сразу поразилъ меня своей литературной не-крестьянской рѣчью. Мы разговорились. Онъ съ полнымъ пониманіемъ разсуждалъ о возможностяхъ разгона Думы, о шан-

сахъ правительства на новый заемъ. Изданъ ли весь Герценъ?—справился онъ между прочимъ. И въ то же время этотъ просвѣщенный человѣкъ — чистѣйшій варваръ. Онъ пальцемъ о палецъ не ударитъ, чтобъ помочь своей женѣ, которая содержитъ всю семью. Она печетъ для остяковъ хлѣбы — двѣ печи въ сутки. Дрова и воду носитъ на себѣ. Да кромѣ того дѣти у нея же на рукахъ. Всю ночь, что мы провели у нея, она не ложилась ни на часъ. За перегородкой горѣла лампочка, и по шуму слышно было, что идетъ какая-то тяжелая возня съ тѣстомъ. Утромъ она по-прежнему была на ногахъ, ставила самоваръ, одѣвала дѣтей и подавала проснувшемуся мужу высохшія пимы.

— Что же мужъ-то вашъ вамъ не помогаетъ? спросилъ я ее, когда мы съ ней остались въ избѣ одни.

— Да работы ему настоящей нѣту. Рыбу тутъ промышлять—негдѣ. За пушниной охотиться онъ не привыченъ. Земли тутъ не пашутъ,—въ прошломъ году только первый разъ сосѣди пахать пробовали. Что жъ ему дѣлать-то? А по домашности наши мужики не работаютъ. Да и лѣнивы они, надо правду сказать, не многимъ лучше остяковъ. Оттого-то русскія дѣвки никогда за зырянъ замужъ не выходятъ. Что ей за охота въ петлю лѣзть? Это только мы, зырянки, привыкли.

— А зырянки за русскихъ замужъ выходятъ?

— Сколько хочешь. Русскіе мужики любятъ на нашихъ бабахъ жениться, потому что противъ зырянки никто не сработаетъ. Но только за зырянина русская дѣвка никогда не пойдетъ. Такого и случая не было.

— Вы вотъ говорили, что ваши сосѣди пробовали пахать. Что жъ—уродило у нихъ?

— Хорошо уродило. Одинъ полтора пуда ржи посѣялъ—собралъ тридцать пудовъ. Другой пудъ посѣялъ — собралъ двадцать пудовъ. Верстъ сорокъ отсюда до пашни.

Няксимволи — первое мѣсто на пути, гдѣ я услышалъ о земледѣльческихъ попыткахъ.

* * *

Выѣхать отсюда намъ удалось только послѣ полудня. Новый ямщикъ, какъ всѣ ямщики, обѣщалъ выѣхать „чуть свѣтъ", а въ дѣйствительности привелъ оленей только къ 12 часамъ дня. Съ нами онъ отправилъ мальчика.

Солнце свѣтило ослѣпительно ярко. Трудно было открыть глаза, даже сквозь вѣки снѣгъ и солнце вливались въ глаза расплавленнымъ металломъ. И въ то же время дулъ ровный холодный вѣтеръ, не дававшій снѣгу таять. Только когда въѣхали въ лѣсъ, глаза получили возможность отдохнуть. Лѣсъ тотъ же, что и прежде,

и такое же количество звѣриныхъ слѣдовъ, которые я при помощи Никифора научился различать. Вотъ заяцъ путалъ свои безтолковыя петли. Заячьихъ слѣдовъ масса, потому что за зайцемъ тутъ никто не охотится. Вотъ цѣлый кругъ вытоптанъ заячьими лапами, а отъ него радіусомъ во всѣ стороны расходятся слѣды. Подумаешь, что ночью тутъ былъ митингъ, и застигнутые патрулемъ, зайцы бросились вразсыпную. Куропатокъ здѣсь тоже много, и отпечатокъ острой лапки тамъ и здѣсь виденъ на снѣгу. Вдоль дороги шаговъ на тридцать ровной линіей, нога въ ногу, вытянулся въ одинъ рядъ вкрадчивый слѣдъ лисы. Вонъ по снѣжному откосу спускались къ рѣкѣ, другъ за другомъ, гуськомъ, сѣрые волки, растаптывая одинъ и тотъ же слѣдъ. Вездѣ и всюду разбросанъ еле замѣтный слѣдокъ лѣсной мыши. Легкій горностай оставилъ во многихъ мѣстахъ свой слѣдъ, точно отпечатокъ узловъ вытянутой веревочки. Вотъ дорогу пересѣкаетъ рядъ огромныхъ ямъ: это неуклюже ступалъ лось.

Ночью мы снова останавливались, отпустили оленей, развели костеръ, пили чай, и утромъ я снова въ лихорадочномъ состояніи ожидалъ оленей. Прежде чѣмъ отправиться за ними, Никифоръ предупредилъ, что у одного изъ нихъ отвязалась колотушка.

— Что жъ онъ,—ушелъ?—спросилъ я.

— Быкъ то здѣсь, отвѣтилъ Никифоръ и тутъ же началъ обстоятельно бранить хозяина оленей, который не далъ въ дорогу никакой справы: ни веревки, ни аркана. Я понялъ, что дѣло обстоитъ не вполнѣ благополучно.

Сперва былъ пойманъ быкъ, случайно подошедшій къ нартамъ. Никифоръ долго хрипѣлъ по-оленьи, чтобъ заслужить расположеніе быка. Тотъ подходилъ совсѣмъ близко, но какъ только замѣчалъ подозрительное движеніе, немедленно бросался назадъ. Эта сцена повторялась раза три. Наконецъ, Никифоръ разостлалъ петлями небольшую веревку, снятую съ кошевы, и прикрылъ ее снѣгомъ. Потомъ сталъ снова вкрадчиво хрипѣть и курлыкать. Когда олень приблизился, осторожно ступая ногами, Никифоръ рванулъ веревку, и колотушка оказалась въ петлѣ. Пойманнаго быка на веревкѣ потащили въ лѣсъ, къ остальнымъ оленямъ, въ качествѣ парламентера. Послѣ того прошелъ добрый часъ. Въ лѣсу совсѣмъ разсвѣло. Время отъ времени я слышалъ въ отдаленіи человѣческіе голоса. Потомъ все снова затихало. Какъ обстоитъ дѣло съ оленемъ, избавившимся отъ колотушки? Въ дорогѣ я слышалъ поучительные разсказы о томъ, какъ приходится иногда по три дня разыскивать ушедшихъ оленей.

Нѣтъ, ведутъ!

Сперва поймали всѣхъ оленей, кромѣ „вольнаго“. Тотъ бродилъ вокругъ да около и не поддавался ни на какую лесть. Потомъ самъ подошелъ къ пойманнымъ оленямъ, сталъ среди нихъ и уткнулъ морду въ снѣгъ. Никифоръ подкрался къ нему ползкомъ и схватилъ вольника за ногу. Тотъ рванулся, опрокинулся самъ и опрокинулъ человѣка. Но не тутъ-то было! Побѣдителемъ оказался Никифоръ.

* * *

Около 10 часовъ утра пріѣхали въ Соу-вада. Три юрты заколочены, только одна жилая. На бревнахъ лежала огромная туша убитой самки лося, немного дальше—изрѣзанный дикій олень; куски посинѣвшаго мяса лежали на закопченной крышѣ, и среди нихъ—два лосиныхъ теленка, вырѣзанныхъ изъ брюха матери. Все населеніе юрты было пьяно и спало вповалку. На наше привѣтствіе никто не откликнулся. Изба большая, но невѣроятно грязная, безъ всякой мебели. Въ окнѣ—треснувшая льдина, припертая снаружи палками. На стѣнѣ—двѣнадцать апостоловъ, портреты всѣхъ монарховъ и объявленіе резиновой мануфактуры.

Никифоръ самъ развелъ огонь въ очагѣ. Потомъ встала остячка, пошатываясь отъ хмѣля.

Подлѣ нея спали трое ребятъ, одинъ—грудной Послѣдніе дни у хозяевъ была большая удачная охота. Кромѣ лося, добыли семь дикихъ оленей; шесть тушъ лежатъ еще въ лѣсу.

— Почему такъ много вездѣ пустыхъ юртъ?— спрашиваю я Никифора, когда мы выѣхали изъ Соу-вада.

— Отъ разныхъ причинъ... Если кто померъ въ избѣ, остякъ въ ней жить не будетъ: или продастъ, или заколотитъ, или перенесетъ на новый окладъ. То же, если женщина, когда нечиста, войдетъ въ избу,—тогда конецъ, мѣняй избу. У нихъ въ это время женщины особь живутъ, въ шалашахъ... А то еще вымираютъ остяки шибко... Вотъ юрты и пустуютъ.

— Вотъ что, Никифоръ Ивановичъ, вы теперь меня купцомъ больше не называйте... Какъ станемъ выѣзжать на заводы, вы говорите про меня, что я инженеръ изъ экспедиціи Гете. Слыхали про эту экспедицію?

— Не слыхалъ.

— Видите ли, есть проектъ провести желѣзную дорогу отъ Обдорска къ Ледовитому океану, чтобъ сибирскіе товары можно было оттуда на пароходахъ прямо вывозить за границу. Вотъ вы и говорите, что я ѣздилъ въ Обдорскъ по этому дѣлу.

День былъ на исходѣ. До Ивделя оставалось

меньше полусотни верстъ. Мы пріѣхали въ вогульскіе юрты Ойка-пауль. Я попросилъ Никифора войти въ избу посмотрѣть, что и какъ. Онъ вернулся минутъ черезъ десять. Оказалось, изба полна народу. Всѣ пьяны. Пьютъ мѣстные вогулы вмѣстѣ съ остяками, везущими купеческую кладь въ Няксимволи. Я отказался входить въ избу изъ опасенія, чтобъ Никифоръ не напился подъ самый конецъ. „Я пить не буду, успокаивалъ онъ меня, только куплю у нихъ бутылочку въ дорогу".

Къ нашей кошевѣ подошелъ высокій мужикъ и сталъ о чемъ-то по-остяцки спрашивать Никифора. Разговора я не понималъ до того момента, какъ съ обѣихъ сторонъ раздались энергичные салюты на чистомъ русскомъ языкѣ. Подошедшій былъ не вполнѣ трезвъ. Никифоръ, ходившій въ юрту за справкой, тоже успѣлъ потерять за этотъ короткій промежутокъ необходимое равновѣсіе. Я вмѣшался въ разговоръ „Чего онъ хочетъ?" спросилъ я Никифора, принимая его собесѣдника за остяка. Но тотъ отвѣтилъ самъ за себя: онъ обратился къ Никифору съ обычнымъ вопросомъ: кто ѣдетъ и куда? Никифоръ послалъ его къ чорту, что и послужило основой дальнѣйшаго обмѣна мыслей.

— Да вы кто будете: остякъ или русскій?— спросилъ я въ свою очередь.

— Русскій, русскій... Широпановъ я, изъ

Няксимволи. А вы не изъ компаніи ли Гете будете?—спросилъ онъ меня.

Я былъ пораженъ.

— Да, изъ компаніи Гете. А вы откуда знаете?

— Меня туда приглашали изъ Тобольска, когда отправлялись еще для перваго изслѣдованія. Одинъ англичанинъ тогда былъ тамъ, инженеръ, Чарльзъ Вильямовичъ... вотъ фамилію его я забылъ...

— Путманъ?—подсказалъ я наобумъ.

— Путманъ? Нѣтъ, не Путманъ... Путманова жена была, а тотъ назывался Крузе.

— А теперь что вы дѣлаете?

— У Шульгиныхъ въ Няксимволи приказчикомъ служу, съ ихъ кладью ѣду. Только вотъ третьи сутки хвораю: все тѣло ломитъ...

Я предложилъ ему лѣкарства. Пришлось войти въ юрту.

* * *

Огонь въ очагѣ догоралъ, и никто о немъ не заботился, было почти совсѣмъ темно. Изба была полнымъ полна. Сидѣли на нарахъ, на полу, стояли. Женщины при видѣ новаго пріѣзжаго по обыкновенію полузакрыли платками лица. Я зажегъ свѣчу и отсыпалъ Широпанову салициловаго натру. Тотчасъ же меня со всѣхъ сторонъ обступили пьяные и полупьяные остяки и вогулы съ жалобами на свои болѣзни. Широпановъ былъ переводчикомъ,

и я добросовѣстно давалъ отъ всѣхъ болѣзней хининъ и салициловый натръ.

— А вѣрно, что ты тамъ живешь, гдѣ царь живетъ?—спросилъ меня ломаннымъ русскимъ языкомъ старый, высохшій вогулъ маленькаго роста.

— Да, въ Петербургѣ,—отвѣтилъ я.

— Я на выставкѣ былъ, всѣхъ видѣлъ, царя видалъ, полиціймейстера видалъ, великаго князя видалъ...

— Васъ туда депутаціей возили? Въ вогульскихъ костюмахъ?

— Да, да, да... всѣ утвердительно замахали головами.

— Я тогда моложе былъ, крѣпче... Теперь—старикъ, хвораю...

Я и ему даю лѣкарства. Остяки были мною очень довольны: пожимали руки, въ десятый разъ упрашивали выпить водки и очень огорчались моими отказами. У очага сидѣлъ Никифоръ, пилъ чашку за чашкой, чередуя чай съ водкой. Я нѣсколько разъ многозначительно взглядывалъ въ его сторону, но онъ сосредоточенно глядѣлъ въ чашку, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ меня. Пришлось дожидаться, пока Никифоръ напьется „чаю“.

— Мы третьи сутки изъ Ивделя ѣдемъ, сорокъ пять верстъ: все время пьютъ остяки. Въ Ивделѣ у Митрія Митрича стояли, у Лялина. Отличный человѣкъ. Онъ съ заводовъ новыя книжки привезъ

„Народный календарь", газету тоже. Въ календарѣ, напримѣръ, точно показано, кто сколько жалованья получаетъ: кто—200 тысячъ, кто—полтораста. За что, напримѣръ? Я этого ничего не признаю. Я васъ не знаю, господинъ, а только я вамъ прямо говорю: мнѣ... не надо... не желаю... не къ чему... Двадцатаго числа Дума собралась; эта будетъ еще получше прежней. Посмотримъ, посмотримъ, что сдѣлаютъ господа соціалы... Соціаловъ тамъ человѣкъ пятьдесятъ будетъ, да народниковъ полтораста, да кадетовъ сто... Черныхъ совсѣмъ мало.

— А сами вы какой партіи сочувствуете, если можно узнать?—спросилъ я.

— Я по своимъ убѣжденіямъ соціалъ-демократъ... потому что соціалъ-демократія все разсматриваетъ съ точки зрѣнія научнаго основанія.

Я протеръ глаза. Глухая тайга, грязная юрта, пьяные вогулы,—и приказчикъ какого-то мелкаго кулака заявляетъ, что онъ соціалъ-демократъ въ силу „научнаго основанія". Признаюсь, я почувствовалъ приливъ партійной гордости.

— Напрасно же вы торчите въ этихъ глухихъ и пьяныхъ мѣстахъ—сказалъ я ему съ искреннимъ сожалѣніемъ.

— Что подѣлаешь? Я раньше въ Барнаулѣ служилъ, потомъ безъ мѣста остался. Семья. Пришлось сюда ѣхать. А ужъ съ волками жить—

по-волчьи выть. Я вотъ тогда отказался съ экспедиціей Гете ѣхать, а теперь бы съ удовольствіемъ. Если понадобится, напишите.

Мнѣ стало неловко и хотѣлось сказать ему, что я вовсе не инженеръ и не членъ экспедиціи, а бѣглый „соціалъ“... но подумалъ и—воздержался.

Время было усаживаться на нарты. Вогулы окружили насъ на дворѣ съ зажженной свѣчей, которую я, по ихъ просьбѣ, подарилъ имъ. Было такъ тихо, что свѣча не тухла. Мы много разъ прощались, какой-то молодой остякъ даже сдѣлалъ попытку поцѣловать мою руку. Широпановъ принесъ шкуру дикаго оленя и положилъ ее на мою кошеву въ качествѣ подарка. Уплаты ни за что не хотѣлъ принять, и мы кончили тѣмъ, что я подарилъ ему бутытку рому, которую везъ „на всякій случай“. Наконецъ, тронулись.

* * *

Къ Никифору вернулась его говорливость. Онъ въ сто первый разъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ сидѣлъ у брата, какъ пришелъ Никита Серапіоновичъ—„хитрый мужикъ!“—и какъ онъ, Никифоръ, сперва отказался, и какъ ефрейторъ Сусликовъ далъ ему пять цѣлковыхъ и сказалъ: „вези!“—и какъ дядя Михаилъ Егорычъ—„добрый мужикъ!“—сказалъ ему: „Дуракъ! зачѣмъ сразу

не сказалъ, что вёзешь этого субъекта?"... Закончивъ, Никифоръ начиналъ снова: „Я вамъ теперь окончательно откроюсь... Сидѣлъ я у брата, у Пантелей Ивановича, не пьяный, а выпивши, какъ сейчасъ. Ну ничего, сидѣлъ. Вдругъ это, слышу, приходитъ Никита Серапіоновичъ"...

— Ну вотъ, Никифоръ Ивановичъ, скоро пріѣдемъ. Спасибо вамъ! Никогда трудовъ вашихъ не забуду. Если бъ только можно было, я бы и въ газетахъ напечаталъ: „Покорнѣйше, молъ, благодаренъ Никифору Ивановичу Хрѣнову; безъ него не уѣхать бы мнѣ никогда".

— А почему жъ нельзя?

— А полиція?

— Да, вѣрно. А то хорошо бы. Разъ ужъ меня было пропечатали.

— Какъ?

— Дѣло такое было. Одинъ обдорскій купецъ сестринъ капиталъ присвоилъ, а я ему—надо правду сказать—помощь оказалъ. Помощь не помощь, а такъ... посодѣйствовалъ. Разъ, говорю, деньги у тебя, значитъ тебѣ Богъ далъ. Правильно?

— Ну, не совсѣмъ.

— Ладно... Значитъ, посодѣйствовалъ. Никто не узналъ,—только одинъ субъектъ, Петръ Петровичъ Вахлаковъ провѣдалъ. Шельма! Взялъ да и напечаталъ въ газетѣ: „одинъ воръ, купецъ Адріановъ, укралъ, а другой воръ, Никифоръ Хрѣновъ,

концы спрятать пособилъ". Все вѣрно, такъ и напечатано...

— А вы бы его въ судъ—за клевету!—посовѣтывалъ я Никифору.—У насъ одинъ министръ, можетъ быть, слышали: Гурко, не то укралъ, не то помогъ украсть; а когда его уличили, онъ и привлекъ за клевету. Вотъ бы и вамъ...

— Хотѣлъ! Да нельзя: онъ мнѣ пріятель первый... Это онъ не по злобѣ, а для штуки.. Маховой мужикъ—на всѣ руки. Однимъ словомъ, вамъ сказать,—не человѣкъ, а прейсъ-курантъ!..

* * *

Часа въ четыре ночи мы пріѣхали въ Ивдель. Остановились у Дмитрія Дмитріевича Лялина, котораго Широпановъ мнѣ рекомендовалъ, какъ „народника". Онъ оказался сердечнымъ и любезнѣйшимъ человѣкомъ, которому я радъ здѣсь высказать искреннюю признательность.

— У насъ тихая жизнь, — разсказывалъ онъ мнѣ за самоваромъ.—Даже революція насъ не коснулась, Событіями мы, конечно, интересуемся, слѣдимъ за ними по газетамъ, сочувствуемъ передовому движенію, въ Думу посылаемъ лѣвыхъ, но самихъ насъ революція на ноги не подняла. На заводахъ, въ рудникахъ—тамъ были стачки и демонстраціи. А мы тихо живемъ, даже полиціи у насъ нѣтъ, кромѣ горнаго урядника... Телеграфъ

только у Богословскихъ заводовъ начинается, тамъ же и желѣзная дорога, верстъ 130 отсюда.—Ссыльные? Есть и у насъ нѣсколько человѣкъ: три лифляндца, учитель, цирковой атлетъ. Всѣ на драгѣ работаютъ, нужды у нихъ особенной нѣтъ. Тоже тихо живутъ, какъ и мы, ивдельцы. Золото ищемъ, по вечерамъ на огонекъ другъ къ другу ходимъ... Здѣсь поѣзжайте до Рудниковъ смѣло, никто не остановитъ: можно отправиться на земской почтѣ, можно на вольныхъ. Я вамъ найду ямщика.

Съ Никифоромъ мы распрощались. Онъ еле держался на ногахъ.

— Смотрите, Никифоръ Ивановичъ,—сказалъ я ему—какъ бы васъ вино на обратномъ пути не подвело.

— Ничего... что будетъ брюху, то и хребту,—отвѣтилъ онъ мнѣ на прощанье.

* * *

Здѣсь въ сущности кончается „героическій“ періодъ исторіи моего побѣга—переѣздъ на оленяхъ по тайгѣ и тундрѣ на протяженіи семи—восьмисотъ верстъ. Побѣгъ, даже въ своей наиболѣе рискованной части, оказался, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, гораздо проще и прозаичнѣе, чѣмъ онъ представлялся мнѣ самому, когда былъ еще въ проектѣ, и чѣмъ онъ пред-

ставляется другимъ лицамъ со стороны, если судить по нѣкоторымъ газетнымъ сообщеніямъ. Дальнѣйшее путешествіе ничѣмъ не походило на побѣгъ. Значительную часть пути до Рудниковъ я продѣлалъ въ одной кошевѣ съ акцизнымъ чиновникомъ, производившимъ по тракту учетъ винныхъ лавокъ.

Въ Рудникахъ я заѣхалъ кое къ кому справиться, насколько безопасно садиться здѣсь на желѣзную дорогу. Провинціальные конспираторы очень напугали меня мѣстнымъ шпіонажемъ и рекомендовали, прождавъ недѣлю въ Рудникахъ, ѣхать съ обозомъ на Соликамскъ, гдѣ будто бы все окажется не въ примѣръ безопаснѣе. Я не внялъ этому совѣту — и не жалѣю объ этомъ. 25 февраля ночью я безъ всякихъ затрудненій сѣлъ у Рудниковъ въ вагонъ узкоколейной желѣзной дороги и послѣ сутокъ медленной ѣзды пересѣлъ на станціи Кушва въ поѣздъ Пермской дороги. Затѣмъ черезъ Пермь, Вятку и Вологду я прибылъ въ Петербургъ вечеромъ 2-го марта. Такимъ образомъ пришлось пробыть въ пути двѣнадцать сутокъ, чтобъ получить возможность проѣхать на извозчикѣ по Невскому проспекту. Это совсѣмъ не долго: „туда“ мы ѣхали мѣсяцъ.

На подъѣздномъ уральскомъ пути положеніе мое было далеко еще не обезпеченнымъ: по этой вѣткѣ, гдѣ замѣчаютъ каждаго „чужого“ чело-

вѣка, меня на каждой станціи могли арестовать по телеграфному сообщенію изъ Тобольска. Но когда я черезъ сутки оказался въ удобномъ вагонѣ Пермской дороги, я сразу почувствовалъ, что дѣло мое выиграно. Поѣздъ проходилъ черезъ тѣ же станціи, на которыхъ недавно насъ съ такой торжественностью встрѣчали жандармы, стражники и исправники. Но теперь мой путь лежалъ совсѣмъ въ другомъ направленіи и ѣхалъ я совсѣмъ съ другими чувствами. Въ первыя минуты мнѣ показалось тѣсно и душно въ просторномъ и почти пустомъ вагонѣ. Я вышелъ на площадку, гдѣ дулъ вѣтеръ и было темно, и изъ груди моей непроизвольно вырвался громкій крикъ—радости и свободы!

А поѣздъ Пермь-Котласской дороги увозилъ меня впередъ, впередъ и впередъ...

Библиотека
Института В. И. Ленина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ“. СПБ. Невскій, 102.
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. У обрыва. — А. КУПРИНЪ. Бредъ. С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. Лѣсная топь. — Н. ГАРИНЪ. Когда-то... — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Полковникъ Розовъ.

II.

ГОРОДЪ: В. БРЮСОВЪ. Городъ. (стихотвореніе). М. ДОБУЖИНСКІЙ. Городъ. Будни. Праздникъ. (рисунки). Л. БАКСТЪ. Улица. (рис.). Н. РЕРИХЪ. Городъ. (рис.).

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

В. МУЙЖЕЛЬ. Пока... — А. КОЙРАНСКІЙ. Холодъ. — И. БУНИНЪ. У истока дней. — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Май.

II.

СТИХИ.

ИВ. БУНИНЪ.
СЕРГ. ГОРОДЕЦКІЙ.
АЛ. БЛОКЪ.

III.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „Смерть“ 6 рис.

IV.

СЕНТЪ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. Король безъ вѣнца. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ франц. Зин. Венгеровой и В. Бинштока.

Редакція альманаховъ „Шиповника“, имѣя въ виду объединить въ своемъ изданіи все значительнѣйшее изъ современнаго искусства, нашла необходимымъ привлечь къ участію въ альманахахъ художниковъ и литераторовъ не только Россіи, но и Запада.

Цѣна 1 р. Въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ“. СПБ. Невскій, 102.
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Бор. Зайцевъ. Сборникъ разсказовъ:
Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ Люди и Земля. Деревня. Миѳъ. Черные вѣтры. Завтра! **Цѣна 50 коп.** (Распродано).

С. Сергѣевъ-Ценскій. Сборникъ разсказовъ. Томъ II. (Печатается).

В. Муйжель. Разсказы. Томъ I. (Печатается).

Ѳ. Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. Обложка М. Добужинскаго. Цѣна **1 р. 75 к.**

Шаломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни въ Польшѣ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ еврейскаго. Цѣна **75 к.**

Е. Тарасовъ. Сборникъ стиховъ. Томъ II. (Печатается).

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Цѣна **30 к.**

М. Штирнеръ. Единственный и его собственность. Съ предисловіемъ А. Горнфельда. Цѣна **1 р. 25 к.**

Байронъ. Каинъ. Роскошное изданіе, перев. И. Бунина. Обложка В. Чемберса. Цѣна въ переплетѣ **1 р. 50 к.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ". СПБ. Невскій, 102.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

„СѢВЕРНЫЕ СБОРНИКИ"

ИЗЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ:

А. Стриндберга.
Оха Гансона.
Г. Гаерстрема.
П. Гахстрема.
Сельмы Лагерлефъ.
Карина Михаэлисъ.
Киландъ.
Іонаса Ли.
Арне Гарборгъ.
Т. Крагъ.
Кнута Гамсуна.
Амаліи Скрамъ.
Свенъ Ланге.
Гольгера Драхмана.
Германа Банга.
Боеръ.
П. Нансена.
К. Ларсена.
Густава Вида.
С. Киркгоорда.
П. Якобсена.

Сѣверные сборники

издательства „Шиповникъ"

КНИГА ПЕРВАЯ

С. П. Б.
1907

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ. Содержаніе: Іенсъ Петеръ Якобсенъ Могенсъ (пер. А. Острогорской). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока). — Зельма Лагерлефъ. Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго).—Августъ Стриндбергъ. Преступникъ (пер. С. Городецкаго). — Германъ Бангъ. Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба).—Оскаръ Левертинъ. Зельма Лагерлефъ (статья). Теодоръ Вольфъ. Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

Цѣна книги 1 рубль.

1р. 20к

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШИПОВНИКЪ“. СПБ. Невскій, 102.
СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

К. Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи. Съ предисловіемъ К. Каутскаго. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. и предисл. къ русск. изд. П. П. Румянцева. Цѣна 90 к.

БИБЛІОТЕКА РЕВОЛЮЦІОННАГО СИНДИКАЛИЗМА.

Гюберъ Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Авторизированный переводъ съ рукописи. Ц. 40 к.

А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ (Реформизмъ и соціальная революція). Съ предисл. автора къ русск. изд. Переводъ съ итальянскаго., подъ ред. и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. Цѣна 1 р.

Въ 1907 г. выйдутъ сочиненія Лабріола, Э. Леоне и Г. Сореля.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПАМФЛЕТЫ.

А. Луначарскій. Три кадета. Цѣна 40 к.

А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. I. Побѣдоносцевъ, какъ общественный дѣятель. II. Побѣдоносцевъ и православная церковь. Цѣна 50 к.

А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Цѣна 55 к.

А. Луначарскій. Пять фарсовъ для любителей. Ц. 40 к.

Ѳ. Сологубъ. Политическія сказочки. (Разошлось).

«ТЕАТРЪ»

С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ-Жуанъ. Цѣна въ пер. 60 коп.

Ю. Словацкій. Кордіанъ.

Ц. 60 коп.